

ЕВГЕНИЙ
РУДАШЕВСКИЙ

ЭРХЕГОРД

СТАРАЯ
ДОРОГА

Эрхегорд

Евгений Рудашевский
Эрхегорд. Старая дорога

«РОСМЭН»

2018

УДК 21.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Рудашевский Е.

Эрхегорд. Старая дорога / Е. Рудашевский — «Росмэн»,
2018 — (Эрхегорд)

ISBN 978-5-353-08747-2

Вторая книга серии «Эрхегорд» Евгения Рудашевского – писателя, журналиста и путешественника, одного из победителей VII сезона конкурса «Новая детская книга». Опасное странствование по землям, охваченным предчувствием страшной беды, продолжается. Следующий город – Целиндел – оказывается едва ли не опаснее Багульдина. Да и на Старой дороге, заброшенной много лет назад, творится что-то из ряда вон выходящее. Кто же пишет тайные записки Мие, хочет убить Теора и объявляет награду за хангола и Громбакха? И наконец, почему таинственный браслет, вросший в руку, так отчаянно жжется?

УДК 21.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08747-2

© Рудашевский Е., 2018

© Росмэн, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Евгений Рудашевский

Старая дорога

Серия «Эрхегорд»

© Е. В. Рудашевский, 2018

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2018

Глава 1

Предмесье

В первые века тяжких испытаний, когда природа наших Земель отчаянно сопротивлялась приходу поселенцев, Эрхегорду и его сподвижникам приходилось искать редкие места покоя, среди которых и сейчас известны своеобразием плоскогорье Эридиуса, Гейзерные топи Дол-Гизира, Предрождённая роцца Целиндела, Выюнковые сады Сухтумской долины и немало других мест, до того чуждых беспощадному окружению, что порой они кажутся занесенными сюда из других краев и времен. Даже растения в них, равно как и животные, подчас встречаются такие, каких не встретишь ни в одном другом уголке угасшего Кольца.

Однако с прискорбием отмечено, что появление людей и смрад растущих городов неотвратимо оскотворяют чистоту подобных оазисов: так было и в ныне изрытых Выюнковых садах, и в перенаселенном Светлом урочище Мелантинских сопок, и в Эйнардлине, где до разрастания Целиндела не было ни гнуса, ни эорлитов, а к правлению седьмого наместника уже пришлось установить защитный лигур «Зерно айвы», или «Западный кулак», сила которого была целиком направлена на изгнание этих и других неприятных созданий.

«Земли Эрхегорда в своеобычии древнейших поселений».

Братья Эртаниол и Маленгрин из рода Вентаила

Я облокотился на сплетенную из толстых ветвей изгородь. Сделал вид, что заинтересовался ссорой возле одного из домов, а сам мельком поглядывал на нижнюю улицу. Следивший за нами незнакомец по-прежнему стоял возле сточного узла, будто лучшим развлечением в эту ночь было прислушиваться к тому, как в деревянных трубах шелестят отходы богатых домов. Извитую сеть канализации могли позволить себе только состоятельные жители Предмесья. Остальные пользовались отхожими бочками, каждую из которых по заполнению выкатывали вниз, на землю, и в тяжелых подводах увозили в глубь леса, к выгребному озеру.

По навесным улицам брели светляки – ночные рабочие Предмесья. Невысокие, закутанные в серую ткань, они молча осматривали емкости с хлорисом, стены домов, сточные узлы. У каждого светляка на поясе висела травяная сумка, в которой тихо светились серебристые гроздья кристаллов мойны. Впитав дневной свет, они отдавали его всю ночь, окончательно меркли лишь с рассветом. Возле травяной сумки крепилась хрустиновая емкость с хлорисом – на случай, если где-то нужно будет восстановить защитный слой.

Светляками чаще всего становились дворки – низкорослые переселенцы из Земель Нурволкина, вернувшиеся в Земли Эрхегорда еще в Темную эпоху: надеялись в общей смуте подыскать безопасный и плодородный уголок, а в итоге разъехались по разным городам и поступили в дешевое услужение. Земледельцы, скотоводы, дворки не сумели отстоять лучшую часть, а возвращаться в Земли Нурволкина боялись, знали, что их ждет расплата за измену и брошенные пастбища.

Я ждал, когда кто-нибудь из светляков приблизится к незнакомцу. Хотел разглядеть его, убедиться, что именно он следил за нами, когда мы только свернули с тракта на земляную дорогу. Сейчас, ночью, никто бы не рискнул спуститься к ней с навесных улиц. За два часа до заката квартальные ударяли в медный колокол. Потом, отслеживая время по свечам, принимались бить каждые полчаса, наконец заканчивали тройным ударом, возвещавшим последние минуты солнечного дня. К этому времени горожане торопились закончить дела внизу, разъехаться по домам или вовсе покинуть Предместье. Ночью из земли поднималась всевозможная пакость, встречаться с которой ни у кого не было желания: чешуйчатые и оскальные черви, мерги, синеножки, большпы и прочие подобные им насекомые. Временами здесь видели мальнейских сухопутных пиявок, неприятных для человека и губительных для скота. Как ни странно, в самих лесах вокруг Целиндеа насекомых было меньше – в таком скоплении они появлялись лишь в Предместье, их привлекал сброшенный с навесных улиц мусор, запах отходов и навоза.

Крики возле дома стихли, ссорившиеся разошлись, а я теперь притворился, что изучаю окрестности, стараюсь надышаться лесным воздухом, прежде чем вернуться в затхлую, пропахшую жиром таверну. Незнакомец наверняка видел меня, поэтому тайлся на месте, опасался привлечь внимание.

– Поганый муравейник, – пробурчал Громбакх, когда мы только съехали с желтых плит Кумаранского тракта. – Нагадили под каждым кустом, а теперь живут, как обезьяны. Висят на своих ветках, а вниз и не смотрят. Боятся, что их сочные зады привлекут сухопутных пиявок. Видел когда-нибудь?

– Их сочные зады?

– Что?.. Да какие... Пиявок! Мальнейских пиявок. Та еще радость... Хотя чешуйчатые черви будут похуже. Ничего, посидим тут денек-другой, сам увидишь.

Охотник был прав. В жизни Предместья тайлось что-то противоестественное, но меня это по-своему привлекало, и сейчас, навалившись на изгородь, я осматривал улицы без притворного интереса.

Дома здесь были построены на ветвях могучих эйнских деревьев, иначе названных «железными». Срубить такое дерево непросто, топоры быстро тупятся. Впрочем, рубить их давно запретил комендант Целиндеа. Горожане боялись лишней раз избавиться даже от неудачно вытянувшейся ветки; проще было пустить ее в дом, позволить расти через спальню или кухню, чем оформлять запрос на мелкую вырубку.

На высоте шести-семи саженей эйнское дерево становилось более податливым, мягким. Там же начинались толстые ветви, которые росли прямо, пока не уткнутся в соседний ствол или ветвь, а уткнувшись, постепенно прирастали к ним. Так над землей еще задолго до коронации Эрхегорда образовалась древесная паутина в несколько горизонтов: от нижнего, с которого еще можно упасть на землю и не убиться, до верхнего, примыкающего к кронам и потому подвижного в пору беспощадных ураганов. Именно по этой паутине тянулись дощатые улочки, в основании сложенные из бревен и закрепленные веревками. Улицы, от самых узких до широких, во многом напоминали простые городские – с хижинами, верандами и даже клумбами. Вокруг самых толстых деревьев стояли многоэтажные дома, и у каждого этажа был отдельный выход на свой горизонт.

Между купами близко растущих деревьев открывались площади с торговыми лавками, выращенными в земляных сикорах аллеями, детскими городками и местами для танцев. По иным улочкам шли отары овец, катились повозки. Здесь были запрещены лишь конные выезды без телег, отчего всадники часто решались на простейшую хитрость – цепляли к лошадям пустые колесники¹, будто намереваясь что-то перевозить, и смело ехали по верховым делам.

Навесные площади, улицы, разъезды и больше похожие на мосты переулки Предместья протягивались в глубь леса на пять верст, и вся жизнь даже на окраине неизменно оставалась на деревьях. Внизу, под арками нижних горизонтов, изредка виднелись дома светляков и прочей городской прислуги, а в остальном все было отдано дикому подлеску.

По дорогам Предместья каждую версту встречались взвозы – широкие бревенчатые заезды, ведущие от дороги к навесным улицам. По ним без труда могла подняться даже груженная подвода. Рядом тянулась и лестница для пешего подъема. В том месте, где взвоз выводил на улицу нижнего горизонта, располагались стойла, платное и бесплатное, торговая лавка со всем необходимым для коней и телег, а также трактиры, в которых при желании можно было и помыться, и заночевать.

В таком трактире мы сегодня обедали. Затем, к счастью, углубились в Предместье и по настоящему Громбакха остановились в «Хмельнесе» – опрятном подворье с одноименной таверной на первом этаже. К таверне примыкала открытая площадка для прогулок, которую в праздники занимали под шумные застолья. В обычные же дни сюда выходили дышать свежим воздухом или очищать желудок от излишней еды – по углам площадки стояли соответствующие баки.

– А если кто-то не дойдет до бака? – спросил я Громбакха, узнав об этой особенности.

– Значит, не дойдет, – хмыкнул охотник.

– И...

– Заблюет всех на нижней улице?

– Разве нет?

– Может. Тут лучше поглядывать вверх и долго не зевать.

– За этим следят, – отметил Теор.

– Кто?

– Светляки, кто. – Громбакха явно веселил наш разговор. – Стража доплачивает им за каждого блевуна. А с такими поборами много не наблюдаешь.

Выйдя на площадку перед «Хмельнесом», я первым делом покосился на баки. Сегодня они, к счастью, пустовали. Ничто не мешало наблюдать за ночным Предместьем. Правда, увлекшись наблюдениями, я забыл про незнакомца. Бросил взгляд к сточному узлу, где он только что стоял. Туда подошел светляк – приподняв травяную сумку с кристаллом мойны, осматривал трубы. Течи не было. Как не было и незнакомца. Будто почувствовав мою рассеянность, он успел скрыться. Сколько я ни вглядывался в слабо освещенные улочки, нигде его не замечал. Лишь светляки и хмельные горожане, шаткой походкой возвращавшиеся домой.

Я ударил кулаком по изгороди. Отругал себя за бестолковость, но тут же признал, что слежка могла мне почудиться. В последние годы я приучился везде видеть опасность.

В Предместье Целиндела было по-своему уютно. Лес со всеми паразитами и хищниками почти не тревожил местных жителей, и мне нравилось это сочетание – тепло и защищенность граничили с безудержной природой. Окраинные дома бедняков отделяла от чащобы лишь тонкая деревянная стена. Они могли ночью приложиться к ней ухом и слушать, как дышит беспорядочная дикая жизнь с ее воем, скрежетом и стонами пойманных жертв. Да, эту стену за счет наместной казны каждую неделю обрабатывали хлорисом, чинили, при необходимости

¹ Колесник – двухколесная подвижная «пятка» конных экипажей, которую можно использовать отдельно, напрямую прикрепив к дуговой упряжи одной или сразу двух лошадей. Используется для перевозки небольших, но тяжелых грузов.

укрепляли, я уж не говорю про защитные костры по окружности Предместья – их дым в летние месяцы отгонял летающих насекомых, и все же грань между безопасностью и постоянным напряжением оставалась на удивление тонкой.

Я мог бы здесь, в Предместье, жить. Открыть скобяную лавку, тихо торговать, молча и безмятежно следить за тем, как проходят годы. Подниматься в таверну, где горожане с упоением делятся новостями из Лошин Эридиуса, обсуждают очередную выходку магульдинцев или южан, наслаждаться их неподдельным, пусть и совершенно пустым задором, слушать их, но никогда не принимать участия в обсуждениях. Только слушать... Так жил мой дедушка в родном Кар'ун-Айе. Я всегда думал, что со временем займу его место там, в уютной таверне на углу Дуг-ан-Далла, отпущу такую же бороду и с таким же равнодушием буду наблюдать за окружающим миром, как бы он ни менялся. Но моя жизнь сложилась иначе. Харконы выжгли Кар'ун-Ай до последнего дома, убили мою семью, а потом три года преследовали меня, пока я не скрылся за восточными границами Земель Эрхегорда. И всему виной... Я с дрожью ощупал браслет на правой руке. Понимал, что, пока не разгадаю его тайну, пока не узнаю, как избавиться от этого вросшего в кожу куска металла, мне не забыть прошлое.

Хотел бы я одним движением вырвать из себя свою историю и боль. Убить в себе то, что в действительности давно погибло и живет лишь в моих воспоминаниях. «Как знать, быть может, в Землях Эрхегорда и есть лигур, способный очистить ум от ненужной памяти...»

Вздыхнув, я обернулся к таверне, надеясь, что кто-то из спутников, Громбакх или Теор, выйдет на площадку, с привычными шутками потребует моего возвращения. Но я по-прежнему оставался один. Вздыхнув, навалился на изгородь.

Невидящим взглядом следил за светляками, бредущими по улицам нижних горизонтов, а сам перенесся на три года назад, в последние часы беззаботной жизни, когда меня беспокоила лишь необходимость выбрать один из трех платков супружества: красный, зеленый или белый. До свадьбы оставалось чуть больше месяца. От выбранного цвета зависело участие моей новой семьи в общинных делах. Я склонялся к зеленому платку, что означало жизнь в отдалении от Сада старейшин Кар'ун-Айя, на пашенной полосе, хоть и понимал, что мать не одобрит такой выбор. Кроме того, нужно было разобраться, как и почему подаренный отцом браслет прилип к запястью. Хватило единственной ночи, чтобы он намертво врос в кожу, при этом не причинив ни боли, ни каких-либо неудобств. А ведь до меня этот браслет носили отец, дедушка, прадедушка, пращур. Никогда прежде он не проявлял подобную особенность. Браслет был древней семейной ценностью.

Надевать его разрешалось лишь в первую ночь после того, как он переходил от отца к сыну. Дальше его прятали в семейное хранилище. Ни особой красоты, ни драгоценных вкраплений в нем я не обнаружил и потому вдвойне удивился строгости, с которой отец просил беречь его для моих детей. Загнутая в кольцо пластина из светлого металла с прожилками черных прерывистых линий. Шлифованный рубец с тремя желобками на тыльной стороне. Ничего исключительного. И все же именно он, доставшись нам от далекого предка, некогда жившего в Землях Эрхегорда, стал главным семейным сокровищем. Глава семьи передавал его в старости, когда на собрании общины добровольно складывал с себя камни Ойнитора, оставляя себе один – яшмовый, означавший право последнего совета. Мой отец по-прежнему держал все пять камней, не думал сдавать их еще долгие годы, однако спешно вручил мне браслет после того, как за ним неожиданно приехал торговец.

– Я знаю, он у тебя, – прошептал чужестранец в пыльном дорожном плаще, под которым угадывалась выкрашенная в черный цвет кольчужная рубашка. – И я пришел с доброй волей. Моя плата будет достойной. Сорок голов лучших март-гальтийских коней. Две поклажи пророщенной мойты. Гартские кристаллы – четыре степных сундука. Сукно. Меха. По десять поклаж каждой. И одна поклажа зимнего маргульского меха из Западного Вальнора. И золото. Сорок червонных слитков барнайдорского золота.

То, что перечислил чужестранец, по цене превышало общую стоимость всех хозяйств Кар'ун-Айя, но с каждой новой строкой оплаты отец багровел все сильнее. Его кулаки сжимались до онемения и дрожи. Когда же торговец протянул составленную по законам нашего удела подписную, отец закричал. Никогда прежде я не видел его в таком гневе. Он выхватил подписную, не глядя порвал ее и сказал, что натравит собак на чужестранца, если тот не исчезнет с нашего двора вместе со своим зловонием.

– Мы все знаем, какой выбор ты сделаешь. Но тебе все равно предстоит его сделать, – спокойно ответил торговец. – Все предрешено, но еще не свершилось. Не в твоих силах изменить предначертанную струну, но ты можешь сохранить жизни. И обрести счастье. Ничемное зажиточное счастье, ради которого ваши поколения ковыряют эту землю.

Вон! – закричал отец. Услышав его голос, к дому сбежались обеспокоенные батраки и дружинники. – Вон отсюда! И не такую гниль корчевали. Иди брызгать ядом в своем болоте! И не вылезай оттуда.

– Я сделал должное. – Торговец поклонился с таким почтением, будто провел уважительные переговоры, на которых пусть и не были заключены выгодные сделки, но удалось согласовать дальнейшее обсуждение возможной торговли. – Я ухожу.

– Нет, – процедил отец. – Ты выметаешься. Как паскудная собака. И знаешь, что теперь на два выстрела кальтинского лука не подойдешь к нашим стенам.

Дружинники хмуро проводили чужестранца, готовые в любой момент поторопить его ударами зачехленных битог.

За ужином отец оставался молчалив и вдвойне строго относился к любой шалости моих сестер, отчего за столом вскоре воцарилась полнейшая тишина. Даже Джалла, младшая из девочек, вопреки обычной веселости, старалась не смотреть по сторонам и понуро резала слишком большой для нее кусок айного корнеплода. Не в привычке отца было объяснять свои поступки и тем более признавать ошибки, но тут он сказал, что напрасно устроил перепалку с чужестранцем. Мать посмотрела на него с удивлением и беспокойством.

Затем отец отозвал меня в желтую комнату, тогда уже подготовленную для молотбы зерна. Встав возле закрома, больше глядя на открывавшуюся за окном стерню, чем на меня, он рассказал о браслете, о связанных с ним семейных преданиях. Собственно, их было немного и большая часть казалась выдумкой. Так или иначе, но я слушал внимательно, а в конце, не сдержавшись, спросил:

– Откуда про него узнал торговец?

Я думал, что отец вновь сорвется и теперь накричит на меня, как днем кричал на чужестранца, однако он лишь качнул головой. Отец не знал ответа. И мне стало не по себе – я понял, что он боится.

– Такие вещи просто не происходят... – вздохнул отец.

– Может, поговорить с бабушкой?

– Он отдал браслет мне. Значит, я сам о нем позабочусь.

– Яшмовый Ойнитор еще у него.

– Это другое! – Отец резко махнул рукой. – Догадываешься, почему я рассказал тебе об этом сейчас?

– Хочешь, чтобы я проследил за торговцем? Но...

– Нет.

– Тогда... – Я растерянно пожал плечами.

Меньше всего ожидал, что отец решит до срока передать мне браслет. И тем более не думал, что ближайшую ночь проведу с ним на запястье.

– Зачем? Зачем его надевать? И почему...

– Так ходил Вайшия².

На это мне возразить было нечем. И можно понять, с какой тревогой поутру я понял, что браслет утянулся, вживился в кожу. Дернул его несколько раз, раскровил запястье, но ничего не добился. Знал, что моей вины в этом нет, но боялся, что отец все равно станет злиться. К счастью, отец весь день был занят общинными делами, утро провел в Саду старейшин, а в обед уехал на бахченные поля за стенами Кар'ун-Айя. Вернулся лишь к ужину. Выглядел обеспокоенным – настолько глубоко ушел в свои мысли, что даже не замечал, как на скамейке выплясывала Джалла, как в сенцах случился переполох из-за обвалившейся зерновой стойки.

Едва сгустились сумерки, поля вокруг нашей нейлы³ осветились мерцающими фиолетовыми огоньками. Это были молькрины, мелкие роговые жуки. Любимые жуки Джаллы. Сестра ловила их сачком, собирала в закрытые чаши из козлиных пузырей, обычно предназначенных для хранения закваски, и выставляла в детских покоях – ночью любовалась их свечением. Молькрины могли бы удивить разве что путника из далеких земель, никогда прежде с ними не встречавшегося, и все же в тот вечер многие жители нашей нейлы вышли из домов.

– Чудно, – улыбалась вольница из скотного двора. – Каким ветром их сюда?

Молькрины обычно предвещали дождь. Селились на болотах за Оросительной чертой, и к нам прилетали только на запах крови или перед непогодой – в надежде поживиться потрохами забитого скота или земляными насекомыми, жившими глубоко под стерней и поднимающимися на поверхность в ливневую пору. Но скотобойня к тому дню молчала три недели, а вечер над нами был ясным, прозрачным до самых далеких звезд. В крепнущем мраке на небе проглянули холодные пояса Валлы. Дождя ничто не предвещало, да и пора стояла сухая, жатная. И все же к нам прилетели молькрины. Их было столько, сколько не бывает в сезон дождей перед праздником Наур'тдайских свечей. Округа купалась в фиолетовом мерцании. Джалла в буйном нетерпении кинулась искать отложенный до осенних дней сачок. Это ее спасло.

Все, кто вышел, привлеченный нашествием молькринов, увидел и приезд Харконов. Я же тем временем сидел в покоях, вновь пытался снять браслет. Пробовал подsunуть под него лезвие ножа, но только чувствовал, как режу кожу и плоть. В дверь постучали. Я постарался стереть следы неловких попыток, но вошедшая бабушка увидела и кровь, и надетый браслет. Она удивилась, но не успела ничего сказать – со двора донесся стук копыт. Выглянув в окно, мы обнаружили, что в фиолетовом сиянии обезумевших молькринов приблизилась группа всадников. Им навстречу в сопровождении дружинников вышел отец.

– Отец твоих отцов взял то, что ему не принадлежит! Пришло время платить по старым счетам! – крикнул один из чужаков.

Это был Грет-Индит из дома Харконов. Таких в моем краю называют наемниками белого флага – они принимают герб и флаг дома, которому нанялись в услужение, или выступают вообще без флага, несмотря на давний запрет любой группе наемников, числом превышающей пять человек, ходить без флага и приписки. Сейчас на груди Грет-Индита красовался незамысловатый символ в виде одиночной башни, увитой змеем: голова с раскрытой пастью покоилась на осадной верхушке, а хвост крепко обвивал скалу, на которой эта башня высилась. Я узнал этот герб. Такая же башня со змеем была на попоне коня, взнузданного торговцем для поездки к нашему дому – тем самым чужестранцем, который хотел выкупить браслет. О том, зачем

² Поговорка, распространенная в землях, прилегающих к Тихой долине. Означает силу традиций, прошедших проверку временем и не требующих каких-либо объяснений. Происходит из древней легенды про первородного князя Вайшию, приведшего переселенцев с восточных берегов Сенгок'ун-Дийского моря в те времена, когда Тихую долину еще покрывали болота. Везде, где проходил отряд Вайшии, устанавливались столбы с красными отметками, указывавшие безопасные места, на которых впоследствии были основаны первые поселения тех краев.

³ Нейла – крупное земледельческое и скотоводческое поместье, основу которого составляют единый род и наемные рабочие.

приехал Грет-Индит, можно было не спрашивать, и отец смело пренебрег пустыми вопросами. Вместо этого громко, едва сдерживая негодование, произнес:

- Ты знаешь, к чему это приведет.
- Знаю. – Лицо Харкона было спрятано под кожаным шлемом с кольчужной бармицей.
- Если ты посмеешь...
- Посмею.
- На твой дом падет красный камень.
- Синк'Альнийский совет меня не пугает. Камень падет на пустую землю.
- Пустую землю...

Отец не ждал такого ответа. Это означало, что вознаграждение, обещанное Харконам, в самом деле оправдывало возможные лишения. Они даже согласились покинуть нашу долину.

– Что же вам пообещал торговец? Всех его товаров было бы недостаточно для такой сделки. Гарн-Ат'дур...

– Гарн-Ат'дур больше не глава дома Харконов.

– Вот как... Ну что ж, приветствую тебя, Грет-Индит. Но теперь ни одна Луна не осветит твои камни.

– Мой дом не принадлежит вашим Лунам. Я оставил тропы Вайшия. А ты скоро отправишься в его Сады со всеми, кто тебе дорог.

Дружинники обнажили битог. Все понимали, что этой ночью наша земля вкусит кровь. Молькрины прилетели не впустую. Я завороченно следил за происходившим во дворе. Услышав последние слова Грет-Индита, кинулся к деревянной панели с клинковым оружием, но остановился – меня за руку перехватила бабушка, о присутствии которой я в предчувствии беды совсем позабыл.

– Неан, – с недовольством, но мягко сказал я, пытаюсь высвободить руку. – Ты знаешь, я должен.

– Ты должен выслушать.

– Не сейчас.

– Слушай! – Бабушка крепко держала меня, вцепившись прямо в браслет. – Так должно было случиться, но мы не знали когда. Никто не знал.

– О чем ты?

– Твой путь лежит в Западный Вальнор...

– Что? О чем ты?

– ...в Земли Эрхегорда. В Зиалантир. Что бы ни случилось дальше, только там ты сможешь...

Со двора донеслись крики. Не обращая внимания на бабушкины слова, я рванул руку. Бабушка, охнув, потянулась в мою сторону и упала. Я от обиды стиснул зубы. Дернулся помочь ей, но взглянул в окно и замер. Отец и его дружинники лежали пронзенные стрелами. К тем, кто вышел из дома любоваться необычным нашествием болотных молькрин, неслись всадники Харконов. Взмахи ножей, удары совен и чеканов. Прерванные крики и густые брызги крови. Попытки укрыться за дверью. Надрывный лай собак в псарне. Арбалетные выстрелы. Моя мать, онемев, стояла на веранде. На окраинах Кар'ун-Айя вспыхнули дома. Теперь крики доносились от соседских полей. Всюду гомон. Звон металла. Ржание лошадей. Мать приподняла руку, словно укрываясь от жаркого пламени. Грет-Индит обрушил на нее всю тяжесть меча, нарочно обрубив лишь выставленную кисть. Кровь при фиолетовом свете молькрин казалась черной. Кисть легко, почти беззвучно упала на деревянный настил. А мама так и не опустила руку. Вся залитая кровью, она смотрела на убитого мужа – не успевшего ни защитить свою семью, ни договорить последних слов и ради неизвестного ей семейного предания отдавшего всех родных на поругание наемникам белого флага.

Даже сейчас, три года спустя, я с дрожью вспоминал смерть родителей. Пальцы невольно искали рукоять меча, будто можно было тут же, не сходя с места, расквитаться со всеми повинными в той бойне. Тогда, в ночь погрома, я сделал свой выбор. Как и просила бабушка, добрался до Западного Вальнора. Спустился с гор в Предместье лесного Целиндела и знал, что на этом не остановлюсь. Пройду выбранной тропой до конца.

Устав от подобных мыслей, я наконец отошел от изгороди и быстро зашагал назад, в таверну. С тех пор как мы выехали из Багульдина, я уже второй раз вспоминал последнюю ночь в Кар'ун-Айе. Стоило расслабиться, как мысли сами влекли к ней, будто искали в тех мгновениях нечто важное, но мною отчего-то упущенное.

В таверне было по-прежнему душно и шумно.

– Почти не пил, а с баками уже обнимался? – Громбакх приветствовал меня из-за стола. Я не ответил.

– Хозяйка! – Охотник остановил проходившую поблизости служанку. Посмотрев на ее обильное, свободно державшееся под тонкой дхантой⁴ тело, изобразил почтение и с улыбкой заказал новый кувшин хмеля.

Служанка, кивнув, заторопилась к главному столу. Собственно, это был даже не стол, а ветвь эйнского дерева, проходившая насквозь через весь зал – из одной стены в другую. Тянулась она ровно, почти без наклона, и при строительстве «Хмельнеса» это учли: ее верх стесали, превратив в столешницу, а по бокам закрепили высокие, в два аршина, лавки. Сама ветвь оставалась живой и даже порывалась с исподней стороны разойтись зелеными ростками. Посетителям нравилось, что служанки, поднимаясь по деревянным сходням, должны были удерживать равновесие, затем тянуться с подносами в разные стороны, попутно наваливаясь на людей, позволяя себя шутливо обнять и даже ущипнуть. Их приход всякий раз вызывал оживление, и заказывать за главным столом старались как можно чаще, пусть по небольшой крынке ягодной настойки.

Ни высота, ни своеобразие эйнской ветви нас не привлекли, так что мы выбрали небольшой стол в углу. Прислонившись к стене, с глубоко надвинутым капюшоном сидел молчаливый Тенуин. Рядом с ним на табурете покачивался Теор. Он казался взволнованным, то и дело поглядывал в окно, встречал взглядом каждого нового посетителя, но собственное беспокойство объяснять не хотел, более того – настойчиво его отрицал.

Охотник уже управился с бараньим боком и теперь, вливая в себя остатки хмеля, рассматривал карту, которую я днем купил в одной из лавок Предместья.

– Итак, нам сюда. – Я ткнул пальцем в кружочек, подписанный «Авендиллом».

– Торжество логики, – хохотнул Громбакх. – Читать ты умеешь. Полезный навык для того, кто пишет путеводник.

Я проигнорировал слова охотника:

– Самый короткий путь из Целиндела в Авендилл – по Старой дороге. По Пчелиному тракту.

– Ну да, – кивнул охотник.

Тенуин и Теор молчали. Глаз следопыта не было видно в тени капюшона. Он вполне мог бы сейчас спать, но я привык к его затаенности и знал, что в таком положении он все хорошо видит и слышит.

– А мы поедем по Кумаранскому тракту, – продолжал я.

– Да, – все так же беспечно кивнул охотник.

– При том, что этот путь едва ли не в два раза длиннее.

⁴ Дханта – длинный кусок ткани, один конец которого обертывается вокруг бедер, образуя юбку в пол, а другой покрывает верхнюю часть тела; при этом голова продевается через пройму в ткани, как в случае с двусторонним плащом, а сама ткань завязками и ремешками крепится к поддевной льняной рубашке и снабжена большим количеством маленьких кармашков для трав, отпугивающих насекомых.

- Да.
- И...
- Что?
- Не хочешь объяснить?
- Короткий путь не всегда самый быстрый, – неожиданно проговорил следопыт.
- Точно. – Громбакх забросил в рот несколько кубиков синюшки. Даже сквозь духоту «Хмельнеса» до меня донеслись пряные ароматы пенистого клюта.
- А подробнее? – не успокаивался я.
- Все подробности – под юбкой твоей подруги. Кстати, где она?
- Я с обеда не видел Миалинту, но сейчас не хотел о ней говорить.
- На Старой дороге опасно. – Теор отряхнул рукава своего костюма, будто те успели запылиться. – Люди боятся Лаэрнорского леса. Всегда боялись. А теперь вовсе не хотят к нему приближаться. Видите? – Теор ткнул в черную точку на восточной окраине леса. – Ворнад. Небольшой город. Сейчас опустел. Никого нет. Здесь – Равнская лесопилка. – Точка с юга от леса. – Тоже опустела. Ну и Авендилл, конечно.
- Даже чокнутые пасечники из Розбарга не едут сюда напрямик, – кивнул Громбакх. – Как собальские крысы плывут через Маригтуй, а потом до самого тракта прут через весь Зашейный распадок.
- У них теперь парбм. – Теор заправил за уши выбившиеся пряди черных волос. – Так что... По Старой дороге мы не поедem. Там можно застрять.
- А что с этим лесом? – Обнаружив, что вся закуска на столе съедена, я теперь поджидал служанку – заказать себе отрубей с зеленью. – Почему его так боятся?
- Надеюсь, никогда не узнать этого доподлинно, – улыбнулся Теор и вновь бросил тревожный взгляд на открывшуюся дверь. Вошли новые посетители.
- В общем, выкинь из головы, – подытожил охотник. – Никаких Старых дорог.
- На Кумаранском тракте всегда спокойно? – спросил я.
- Узнав, что я не слышал историю тракта, Теор оживился. Ему было приятно на время отвлечься от тревог, сутью которых он так и не поделился.
- От него я узнал, что весь тракт выложен кумаранским камнем – тем самым желтым камнем с прожилками, из которого Предшественники строили свои дороги.
- Первую дорогу к Таильской пещере... знаете о пещере?
- Да, там нашли лигуры.
- Именно. Так вот, эту дорогу строили семь лет. Долгий горный путь. Только теперь она заброшена. Еще Эрхегорд заложил обходную дорогу из кумаранского камня – следопыты нашли его залежи в древней Ортванской каменоломне. Как и Гробницы, она была запечатана. Каахнеры.
- Каахнеры?
- Да. Чистильщики. Те, кто и пещеру замуровал, и каменоломню. Те, кто нарочно укрыв все следы Предшественников. О них известно немного, но они тут по всем Землям отметились.
- Служанка принесла кувшин хмеля. Громбакх, натиравший маслом носовые бурки, кивнул ей, а я наконец сделал заказ.
- По сути, власть Вер-Гориндора строились на кумаранском камне. Он не меньше лигуров помог Эрхегорду и его наследникам объединить Земли.
- Что в нем особенного?
- В камне?
- Да.
- Многое чего... Крепкий как сталь. Его обрабатывать – целая история.
- На свире. – Следопыт, очнувшись от неподвижности, достал из-под складок бурнуса короткую деревянную трубку.

– Так и есть. Поддается только резцам и киркам, обожженным на свире. В Ортване – свой источник. Не такой сильный, как в Багульдине, но вполне внушительный. Поставили там заслонки, наладили свои кузни. Вырезать плиты, как это делали Предшественники, не получилось.

– Вырезать-то можно. – Громбакх глубоко затынулся маслом из носовых бурок. – Но потом ищи горб, на котором эту плиту тащить.

– Да, кумаранский камень тяжелый, – согласился Теор. – Так что решили вырезать простую брусчатку. Из нее и выложили тракт.

– К тому времени уже знали две главные особенности камня. – Тенуин несколько раз чиркнул серными полосками и теперь неторопливо, через слова, выдыхал травный дым. – Он усиливает влияние лигунов...

– И отпугивает всякую пакость, – закончил за него Громбакх.

– Да. – Теор, привстав, выглянул в окно. Его беспокойство не ослабевало. Охотник пошутит о сухопутных пиявках, поселившихся в табурете Теора. – Дикie звери и насекомые держатся в стороне от кумаранского камня. Полезное свойство для наших краев.

Сейчас Кумаранский тракт оплетает все Земли Эрхегорда. Кирпичами из Ортвана укреплены пограничные крепости в Южной расщелине и Камданском ущелье – единственных низинных проходах в Южные земли. Конечно, ойгуры заботились прежде всего о торговцах и сборщиках податей, но и простым людям стало спокойнее в пути. Так что да, Кумаранский тракт в наших краях – самый безопасный. И если выбирать между ним и Старой дорогой...

Громбакх, хохотнув, плеснул хмель из кувшина на карту. Брызги полетели по всему столу. Я от неожиданности дернулся:

– Что...

– Чистая вещь – пустая. А все пустое лишено жизни, – без улыбки заявил охотник.

– Вот почему ты не отдаешь прачкам свои штаны, – огрызнулся я, подняв карту и смахивая с нее хмель. – Три золотых! И один серебряный!..

– Хвастаешь, что тебя обсчитали? – Громбакх, довольный, увидел, что на карте местами потекла тушь.

– Думаешь, это смешно?

– Нет. Думаю, что у каждой вещи должна быть история. Так пусть история твоей карты начинается правильно. Потом будешь смотреть на эти разводы и вспоминать, как мы тут сидели, здоровые, сытые, ни по одному месту не заштопанные.

На меня поглядывали из-за соседних столов. Услышали перепалку и надеялись, что она окончится дракой. Готовы были при случае поддержать нас криками.

Я старательно отряхнул карту, скатал, вложил в тканый чехол и скорее убрал в сумку – на случай, если Гром решит заодно подпалить ее, обгрызть по краям или, чего доброго, обдать синюшной слюной.

– Наш охотник знает толк в забавах. – Теор отодвинулся от стола, опасаясь, что я захочу отомстить и открою хмельную войну, – не хотел попасть под перекрестный полив. И только Тенуин оставался спокоен, мягко тянул дым из трубки.

Посетители за соседними столами, убедившись, что драки не намечается, поскущели и вернулись к неспешным разговорам.

Утром, подъезжая к Предместью, я был уверен, что к вечеру мы покинем Целиндел – сразу, без промедления, устремимся к руинам Авендилла, ведь с каждым днем шансов найти Илиуса, брата Теора, оставалось все меньше. Он пропал два месяца назад; Громбакх поговаривал, что в лучшем случае мы найдем его тело для похорон. И все же, несмотря на спешку, сам Теор попросил у нас отсрочку. До того, как подняться в Багульдин, он объявил награду за Илиуса и теперь хотел разведать, отправился ли кто-нибудь к руинам и нашел ли там следы мальчика. Тенуин предложил сопровождать Теора:

– Если его кто-то уже искал на руинах, мне лучше с ними поговорить. Чтобы не повторять их ошибок.

Теор от сопровождения отказался. Заявил, что при случае обязательно сведет Тенуина с нужными людьми, а пока не уверен, что кто-то вообще откликнулся на объявление и не хочет зазря дергать следопыта.

– Как знаешь. – Тенуину, как и Громбакху, явно не понравился этот ответ. Я же тогда не придал ему значения.

Прежде чем отправиться по своим делам, Теор вместе с охотником заглянул в Заложный дом и там подтвердил, что у него в самом деле хватит залогов для обещанной платы, треть от которой Теор уже выплатил монетами. Более того, Гром заставил его подписать обходной залог, обналичить который, правда, можно было лишь в присутствии Теора или по решению Правосудного двора.

Неожиданной задержкой в Целинде воспользовались все. Я смог неспешно выбрать карту Восточных земель и даже поторговаться, отказавшись платить изначальную цену в пять золотых. Громбакх и Тенуин сходили на рынок – продали привезенные из Багульдина три мешка с наземом коагаров:

– Надо ж хоть как-то оправдать бредовую затею Тена! Что мы, зря по горам носились, уговаривая всяких баранов покакать нам пропитание? Да и вообще я должен взглянуть в глаза человеку, который заплатит за кучу этого дерьма настоящими вольмарскими монетами. Может, и мне теперь в мешочек гадить – вдруг кто возьмет на лечебную мазь? Чем я хуже?!

Миалинта тем временем оставила нас, сказала, что хочет повидать старых друзей и разузнать последние новости Оридора – города книжников, в который планировала отправиться сразу после Авендилла. В Оридоре Миалинта надеялась выкупить или по меньшей мере просто повстречать Лианила, нареченного брата.

– Братоспасительная экспедиция, – посмеивался Громбакх. – Два дурака отправились ловить призраков. Вырвать Лианила из рук книжников шансов еще меньше, чем Илиуса – из гиблых руин Авендилла.

Миалинта еще в Багульдине уговорила меня присоединиться к ее поездке в Оридор, сказала, что там я узнаю историю и назначение своего браслета, а значит, и выясню, как от него избавиться.

– Если повезет, заодно продашь его книжникам. Уверена, они купят. И хорошо заплатят.

– Сорок голов март-гальтийских коней, две поклажи пророщенной мойты, четыре степных сундука гартских кристаллов и сорок червонных слитков золота?

– Что? – Миалинта посмотрела с удивлением.

Никто не знал подробностей того, как именно браслет перешел от отца ко мне.

– Это я так, не обращай внимания. Не уверен, что захочу продавать его.

– Почему?

– Семейная ценность. И она должна перейти моему сыну. Ну... Если он у меня будет.

– Любопытно.

– Что?

– Это я так. Не обращай внимания.

По словам Миалинты, в Оридоре хранился Мактдобурский архив – на его страницах были описаны все вывезенные из Тайльской пещеры лигуры: с подробным указанием опытов, которые над ними ставили книжники поначалу Мактдобура, а затем Оридора, с детально перерисованными узорами, сводкой всех владельцев и городов приписки, а главное – с перечнем изначальных и приобретенных свойств. Первые записи в Архив вносил сам Эрхегорд, рассказывая о вскрытии Гробниц, о первых шагах по их пустующим залам, об обнаружении там лигур. Там же были записи Эрхегорда о походе в нижние горизонты Тайльской пещеры,

куда он отправился с отрядом муинов, своих телохранителей, и откуда вернулся израненный, в полном одиночестве.

– Если твой браслет – лигур, если его действительно вывезли из наших Земель, он будет в списках. Это единственный шанс узнать его историю, – говорила Миалинта, когда мы только подъезжали к трактовой заставе Ноиллина. Горная часть пути, по которому мы спустились из Багульдина, закончилась. Обернувшись, можно было во всей красе увидеть величественную глыбу скального гиганта Багуль-наара, под которым примостилось Айликменское плато с его Карнальской каменоломней, Подземельем Искарута, Закрайными полями и Восточной стрелой, уводящей к пограничному Харгою.

– Ну да, Архив, – проворчал Громбакх. – Какая малость. Постучишь к ним в дверь: «Дяденька, дяденька, дай Архив полистать». И все. Мечты сбылись. Как просто.

– Непросто, – призналась Миалинта.

– Непросто?! – крикнул охотник. – Да червей обучить строевому ходу проще! У тебя там совсем мозги вскипели?! Какие книжники, какой Архив?!

– Что думаешь? – спросил я Тенуина.

– Он прав. – Следопыт кивнул, поглаживая шею минутана.

Из Багульдина нас полностью снарядил наместник Тирхствин, отец Миалинты. По его распоряжению мою гартолку задраили для лесных поездок, заодно поменяли съемные сетки на окнах и поддышлах. В гартолку запрягли крепких лошадей айликменской породы, а вместо верховых нам выдали стремянных минутанов из наместной конюшни, во многом похожих на лошадей, но отличавшихся от них высокими стаканообразными копытами, роговыми шипами на венчиках и непривычно длинным волосом на щетках и груди, из-за чего они отчасти напоминали жилистых степных яков. Главной особенностью минутанов была выносливость и неприхотливость.

– Думаешь, ты один такой умный, кому захотелось заглянуть в Архив? – не успокаивался Громбакх.

– В Архив будут смотреть книжники. Нужно только показать им браслет. Они помогут, – настаивала Миалинта.

– Ну да. Но возьмут дорого. Твоей жизнью!

В трактовой заставе лошадей и минутанов смазали турцанской мазью. На глаза им закрепили большие кожаные шоры. Стенки гартоллы окропили настойкой хлориса. Гумник, третий летний месяц по вольмарскому календарю, только начинался, и в лесах зверствовал гнус.

Шорник советовал нам по возможности избегать верховых поездок и сидеть в гартолле, но мы предпочли остаться в седле. Теор ехал на козлах, правил запряженной парой. Мы с Мией, Громом и Теном ехали на минутанах. В саму гартолку была загружена вся наша поклажа, из которой три булькающих бурдюка принадлежали охотнику. Он при первой возможности спрашивался об их целостности, то и дело наставлял Теора вести экипаж плавным ходом, без напрасных рывков. Теор смеялся и назло Громбакху принимался стегать и тут же одергивать лошадей.

– Кому еще понадобился этот Архив? – спросил я охотника, когда мы уже въехали в лес.

– Что?

– Ну, ты говорил, желающих заглянуть в него много.

– Ясное дело, много. Ну как, много... У всех что-то свое чешется. Южане хотят разобратся, сколько всего лигуров и куда они разошлись, чтобы еще громче ныть: «Нас обделили! Смотрите, всем дали цапек, а мы лапу сосем» – и так доказать, что Таильскую пещеру нужно-таки опять вскрыть, достать из нее оставшиеся лигуры и раздать всем обиженным. С нерли-тами веселее. Те спят и видят найти своего последнего Предшественника. Думают, в Архиве что-нибудь написано на его счет. Где лежит, как разбудить. Еще магульдинцы...

– Красные?

– Ну да. Этим тоже нужно. Им всегда что-то нужно.

– Архив-то им зачем?

– Хотят доказать, что влияние лигуров меняется в худшую сторону. У них одна песня. Собрать лигуры, вернуть их в Гробницы и замуровать, как это сделали каахнеры. Так что вставай в очередь.

В защитных накидках, купленных на заставе, мы все выглядели глупо. Просторная, пропитанная маслами ткань и большой колпак из мелкочейистой сетки. Дышать и говорить было неудобно, но еще на опушке я понял, что это неудобство оправданно. Гудение гнуса не смолкало.

Вокруг Предместья никогда не возводили крепостных стен, и все же летом его граница хорошо просматривалась даже издалека – почти все четыре месяца Предместье окружало дымное кольцо. Среди густых зарослей ивы и таволги открывались поляны со сложенными из карнальского камня жаровнями. В них жгли торф, перемешанный с листьями айвы, болотного папоротника. Дым поднимался тяжелой, покачивающейся портьерой и редел лишь к верхушкам эйнских деревьев. Это был единственный способ отвести от Предместья назойливых крылатых насекомых, худшим из которых в последние годы оставался тигриный комар. Его так называли по мелкой шерстке, окрашенной в желтые и черные полосы. Взрослый комар, по размеру как шмель, угрожал лишь болезненным укусом. Крохотные бесцветные комары-личинки приносили значительно больше забот. Почти беззвучные, они впивались в тело жертвы, при этом вспрыскивали яд, делавший укус безболезненным. Затем, сложив крылышки, целиком втискивались под кожу, сворачивались в кокон и начинали вызревать. На коже проступал зудящий волдырь, избавиться от которого мог только лекарь – надрезав его ножом, вычистив от проросшей личинки и заложив в рану лепесток цейтуса.

Миалинта рассказывала, как захмелевшие грибники или ягодники, забыв осторожность, заваливались спать в чащобе, и за ночь торфяные черви прогрызали защитный костюм, а в отверстия, беззвучно ликуя, пробирались сотни тигриных комаров.

– Они вызревают за пять дней. Если укусов много, яд действует как снотворное. Ты так и не просыпаешься. Лежишь в кустах, пока кожа не начнет лопаться.

– А потом идешь комарам на ужин. Если только тебя раньше не сожрет кто-нибудь другой, – добавил Громбакх. – В твоем теле плодится целая колония. Можешь прокормить не меньше трех поколений. Вот такая добрая смерть. Истинное самоотречение.

Когда мы проехали сквозь дымовую стену Предместья, я увидел, что возле каменных жаровен стоят шалаши из прутьев и лапника. Вокруг шалашей высились холмы из листьев айвы, лежали пласты заготовленного торфа. Бедняки все лето поддерживали тление, за это наместник выдавал им паек, а в первые дни прашника позволял пройти полный лекарский осмотр и снабжал необходимыми лекарствами. По этой причине кострыками иногда становились родители с тяжело больными детьми – это был единственный шанс их вылечить.

Через десяток сажений после жаровен начались навесные улицы. Бедные кварталы, отчасти затянутае дымом. Я с интересом смотрел на густую паутину человеческой жизни. Удивленно замечал, что местами с земли можно увидеть даже верхний, седьмой горизонт и построенные там дома.

Последовав примеру Миалинты, снял защитный колпак. Не удержавшись, посмотрел на ее короткие ярко-золотые волосы. Фаит. С грустью вспомнил жертву, которую она принесла для спасения Багульдина.

На земле, под навесными улицами, встречались деревянные времянки и выгоны – днем горожане выводили туда домашний скот. На выгонах стояли малые жаровни, в которых листья айвы жгли без торфа, отчего дым шел почти прозрачный и приятно пахнущий маслами.

Людей и повозок становилось все больше. От желтой брусчатки Кумаранского тракта в сторону, налево и направо, уводили темные земляные дороги. Указатели называли Меилтон на Дарве, Гориндел на окраине Муэрдорского леса. Поселок Эрждед, где для всей округи моло-

тили зерно. Шивердел – кузнечное село, Уждел – рабочее поселение вокруг медного карьера. Ок-Чар и Чод-Арлин – села с бахчами и овощными теплицами. Таких указателей было много, и лишь один из них оказался перечеркнут.

– Лаэрнор, – прочитал я.

– Гиблое местечко, – кивнул Громбакх. – В самом центре Лаэрнорского леса. Раньше туда добирались по Старой дороге.

На обработанных хлорисом комлях висели бумажные и кожаные объявления. Тут были предложения переночевать, поесть, посетить кроличьи бега, купить манника, купить листья с дерева Мортхи, починить экипаж, посетить массаж с втиранием горячей муравьиной кислоты и сока эльны. Все адреса уводили наверх, на один из горизонтов навесных улиц. Среди прочего я разглядел призыв посетить Ежегодную ярмарку каменных изделий в Багульдине, назначенную на десятый день гумника. Но чаще всего здесь встречались предложения купить настойку хлориса – для защиты домов и повозок от лесных насекомых.

Тигринные комары не единственная беда этих мест. В здешних лесах на путника нападали и летучие хвойники, и ядовитая саранча, и чешуйчатые черви. Весной тревожили черные эорлиты, болотные панцирные муравьи. В первые дни синелина⁵ они отличались особенной прожорливостью. Каждую весну лесничие Целиндела бродили по лесу: по старым зарослям ольхи, по дубравам, осинникам и березнякам – сжигали малые муравейники, однако против крупных муравейников сделать ничего не могли. Те слишком глубоко уходили в землю. Жителям приходилось задабривать эорлитов – лесничие вывозили к ним туши ослов, манников, охажки проса и всевозможную гниль, которую не съели бы даже собаки. Люди не скупилась на подачки, лишь бы черные полчища муравьев не отправлялись искать еду в Предместье; продвигались они под землей, и стена дыма их не останавливала.

Пока мы поднимались по бревенчатому взвозу на первый горизонт навесных улиц, Громбакх весело рассказывал, как несколько раз сталкивался с потоком эорлитов, а потом вдруг серьезно спросил:

– Знаешь, на что это похоже?

– На что? – Я думал, охотник продолжает рассказ про сражение с муравьями.

– На самоубийство, вот на что. Это как белохорной лисице бежать к живодеру с жалобами на сыпь в паху: «Ой, посмотрите, у меня тут что-то чешется».

– Ты о чем?

– О том! Не суйся в Оридор.

– Опять...

– Думаешь, тебе там пропишут лечебную мазь и отпустят во славу Эрхегорда? В лучшем случае отнимут браслет. Вместе с рукой. А в худшем оставят всего целиком – для опытов.

– И что ты предлагаешь?

То и предлагаю. Оставь Оридор напоследок. Вот не будет других вариантов, тогда иди на свою живодерню. А для начала свожу тебя к знакомым в Матриандире.

Оказавшись на первом горизонте, я впервые увидел незнакомца, который в дальнейшем сопровождал нас весь день. Одет он был неприметно, привлек внимание лишь размеренной походкой и тем, что несколько раз неприкрыто отслеживал мой взгляд, явно интересуясь, на что именно я смотрю. Тогда мне представилось, что это простой зевака или торговец, встречающий приезжих. Быстро позабыв о незнакомце, я по узкому переулку вышел на дощатую площадь. Опасался, что какая-нибудь из досок окажется непрочной, но вскоре убедился, что здесь все сделано надежно.

Некоторые дома были полностью обвиты плющом, скрыты под листвой эйнских деревьев. На крышах виднелись гнезда. По веткам перебегали белки и пиголы. По краям площади

⁵ Синелин – третий, последний весенний месяц по вольмарскому календарю (18 дней).

шли аккуратные земляные насыпи. На них росли лесные фиалки с игольчатыми темно-фиолетовыми листьями. На скамьях сидели старики – потягивали эвкалиптовый дым из бриаровых трубок. Куда-то торопились мужчины и женщины, одетые в хлопковые или конопляные дханты. Их украшения – бусы, браслеты, заколки – все были деревянные, выкрашенные в синее или зеленое. Я рассеянно наблюдал за непривычной для меня жизнью, а сам думал о возможной поездке в Оридор, нехотя, нахмурившись, возвращался к уже далекой кровавой ночи в Кар’ун-Айе.

Даже вечером, в «Хмельнесе», под хохот Громбакха, облившего мою карту хмелем, я, вопреки желанию, все глубже погружался в молчаливое отрешение. Изображал улыбку, ел обезвкусившие отруби с зеленью, кивал словам Теора, которых и не слышал. А сам смотрел на черные стены таверны. Их, как и пол, мыли с дресвой, отчего древесина быстро потемнела. Потолок – грязно-желтый из-за дыма трубок и свечной копоти. Такой же была таверна там, на углу Дуган-Далла, где любил отдыхать дедушка. Я вспоминал его растрепанную седую бороду, густые брови. Пахнувшие травой руки. Вспоминал Ай’инилну – Айю, свою невесту, для которой собирался выбрать зеленый платок супружества. Она хотела жить подальше от Сада старейшин, мечтала о свободной жизни на пашенной полосе...

Я погружался в забвение наяву. Запах стерни. Далекий голос пастухов. Переключка дружинников. Сизые крылья петёрника – они чистили в маревном воздухе. Крохотная птичка с длинным загнутым клювом. Любимая птичка Джаллы. Она хотела, чтобы в День полноверия именно петёрник стал ее оберегом. Но вот крылья замедлили свой ход. А с ними замедлилось все вокруг. Громбакх ударял по столу – будто проталкивал кулак сквозь воду. Теор плавно поворачивал голову, осматривал новых посетителей «Хмельнеса». Я уже видел каждое перышко птицы в отдельности. Пятнистый узор и лазурная окантовка. Петёрник застыл, превратившись в оберег на груди повзрослевшей Джаллы. А все, кто сидел в таверне, вместе со служанками и кравчим, – все обесцветились... Со мной такое случалось однажды, я слишком хорошо помнил эти чувства, тогда показавшиеся наваждением, поэтому сейчас почти не испугался. Серые лица и одежды. И Гром уже сплевывал бесцветной слюной, она медленно, нехотя летела в пустой кувшин из-под хмеля. Последний удар тяжелого сердца и – замерший серый мир прорезала мелкая серебристая сеть. Она неспешно проявлялась, кусками, неравномерно, с напряжением. Вместе с ней пришла легкость. На тело и мысли больше ничто не давило. Серебристая сеть окрепла, и я различил отдельный луч. Крепкий, будто стянутый из сотни серебряных нитей, чуть подрагивающий в воздухе – так, что можно было различить глубокое дребезжание. Мягкая, чуть извитая дуга. От груди Теора к небольшому, затянутому сеткой оконцу возле нашего стола.

Такой же луч я увидел на заднем дворе отцовского дома, когда затаился там под навесом. На моих руках под плащом пряталась Джалла. Чтобы сдержать слезы, сестра зубами сдавливала застежку моей рубахи. В двадцати шагах от нас, прикрытый сумраком, стоял дедушка. Он только что убил одного из наемников. Размозжил ему затылок кузнечным молотом. Стоял, опустив руки. Молот был слишком тяжелым. Дедушка устало дышал. Его борода темнела от крови. Со спины к нему быстрым шагом приближался Грет-Индит. А я не мог ни крикнуть, ни помочь. Я должен был спасти Джаллу. Любой ценой. Мы были обречены. «Доверься браслету» – последнее, что я услышал от бабушки, и в то мгновение ненавидел ее. Грет-Индит шел сквозь сгустившийся воздух, а серебристый луч тянулся от меня к батрачному складу, оттуда – к восточным воротам. Я порывался отпустить Джаллу, броситься к дедушке, убить Грет-Индита, а потом погибнуть самому от рук других наемников. Но поверил серебристому лучу. Отправился в направлении, которое он указал. И остался жив. Спас Джаллу. Ценой горького предательства. Я не видел смерть дедушки, только слышал, как он глухо вскрикнул от удара.

Но здесь, в «Хмельнесе»... Я смотрел на пульсирующий луч, на застывших Громбакха и Теора. Потом взглянул на Тенуина. Его лицо было по-прежнему скрыто капюшоном, но я все

равно ощутил холодный взгляд пурпурных глаз. Третье веко. Зрение варнаата. Что он видел и почему так внимательно смотрел на меня? Подумав об этом, я вздрогнул. В одно краткое мгновение все стало прежним. Луч и сеть пропали. Таверна с посетителями, оглушив, наполнилась звуками и красками.

Браслет явно потеплел на руке. Я не успел толком осмыслить это, когда, в очередной раз проследив за входной дверью, Теор оживился. Приосанился, стал торопливо приглаживать волосы, поправлять завязки на вороте и рукавах.

– Господа, – с улыбкой заявил он, – не хочется покидать ваше прекрасное общество.

– За прекрасное общество можно и по носу получить, – хмыкнул Громбакх.

– Оплату я подтвердил. План мы обсудили. Завтра вечером выдвинемся. Если по какой-то причине меня не окажется рядом, смело выезжайте одни. За границами Целинде я к вам присоединюсь.

– Чего? – Охотник мотнул головой.

Теор не отводил взгляда от новых посетителей. Повернувшись, я разглядел, что это стражники. Четыре человека. В кожаных доспехах. Зеленые нагрудники, украшенные узором ветвистого дерева – гербом Целинде. Правые наплечники закрыты, значит, зашли в «Хмель-нес» не для развлечений. Мечи на кожаной перевязи сдвинуты вперед – в боевом положении.

Стражники неспешно шли между столами. Заглядывали в лица людей. Таверна притихла. Сразу несколько посетителей набросили капюшоны. От главного стола после краткого оживления спустились двое. В дверях их остановили. Резким движением сдернули с них капюшоны. Осмотрели лица. Выпустили. Еще два стражника. И мужчина в невзрачной, серой одежде. Я его узнал и тут же отвернулся. Это был тот самый незнакомец, который полдня шел по нашему следу.

– Что бы вам ни говорили, не верьте. – Теор дернул пояс, проверил пряжки, державшие петли хлястника. – В этом городе много клеветы. И я бы с радостью высказал своим клеветникам все, что о них думаю, но мне сейчас не до этого, вы знаете.

Стражники рассредоточились. Хватались за рукоятки мечей, если кто-то отказывался показать лицо. Из-за главного стола донесся краткий хохот, что-то глиняное упало на пол – громкий звон разбившейся посуды показал предельную, непривычную тишину в «Хмельнесе». Служанки, замерев с подносами, уныло переглядывались.

– Тен, – позвал я.

Нужно было предупредить его.

Голова следопыта склонилась над столом. Могло показаться, что Тенуин не замечал обыска в таверне.

– За нами сегодня следили, – прошептал я.

– Да.

– Ты знал?

– Трое.

– Трое... От взвоза. Когда мы поднялись на первый горизонт, я заметил...

– От Ноиллина.

– От заставы?! – Слова от удивления прозвучали слишком громко.

– Пока мы возились с минутанами, в Предместье выскочил вестовой. Они знали, что мы едем.

– Но... зачем? Кому нужно...

– Что происходит? – не выдержав, в голос спросил Громбакх. Он, озадаченно моргая, смотрел то на меня, то на следопыта. – Какая слежка, какие вестовые? С какого перепуга?

– Тише, – процедил я, но из-за соседних столов на нас уже поглядывали, да и стражников явно привлек голос Грома.

– Вы не оставили мне выбора, – с улыбкой вздохнул Теор. – Теперь точно не обойтись без прогулки. Но я рад освежить голову. Надеюсь, ночью вы не будете по мне скучать.

– Скорее твой зад будет скучать без моих пинков. Что тут...

Охотник не успел договорить.

– Вон! – крикнул стражник.

С кратким шелестом выхватил меч и острием указал на Теора.

Сразу десятки глаз, не сдерживая любопытство и задор, посмотрели на наш стол. В этих взглядах ожила надежда на драку. «Хмельнес» заполнился быстрым шепотом. Он становился громче, прорезался всплесками смеха, но тут же притихал.

Стражники, расталкивая сидевших на табуретах посетителей, бросились к нам. Тенуин и Громбакх сидели неподвижно. Охотник больше не причитал.

– Уходи, – промолвил следопыт.

– О, я уйду, не беспокойтесь, мой друг. Но у каждого номера порядок. Нельзя испортить представление, прыгнув в огненное кольцо раньше, чем оно загорится. Зрители будут расстроены.

Чем ближе подходили стражники, тем громче становился гул в таверне – он густыми волнами переходил из одного угла в другой. Люди вставали, чтобы не упустить ни одной детали. Радовались, если попадали под локти проталкивавшейся стражи, будто сами становились участниками облавы.

– Вот теперь пора.

Теор встал. Небрежно бросил на стол три медяка. Поклонился, изобразив, что снимает невидимую шляпу.

– Доброй ночи, господа. Не задерживайтесь. И хорошенько отоспитесь. Путь предстоит долгий.

Стражники уже приблизились на расстояние четырех шагов. Обнаженные мечи. Туго затянутые нащечники шлемов. Капли пота на переносице.

– Угощаю. – Теор бросил им четвертак. – Закажите ослиной мочи, она вам придется по вкусу.

Громбакх и еще несколько человек за соседними столами хохотнули. Стражник, в которого полетела монета, неловко дернулся от испуга, чем еще больше рассмешил посетителей. Гул в «Хмельнесе» достиг предела. Теперь все, не сдерживаясь и не обращая внимания на стражников у входных дверей, кричали что-то неразборчивое, колотили кружками по столам и лавкам. За главным столом началась толкотня.

В мгновение, когда казалось, что у Теора не осталось шансов на побег, он вскочил на табурет. Пригнулся, выставил руки, будто готовился нырнуть в воду, и, почти не глядя, прыгнул в окошко. Из-за соседних столиков донесся вздох удивления. Я резко опустил руку на рукоятку меча, был уверен, что Теор ударится о стену или подоконник, до того небольшим было окно. Треснула сетка. Кнутовище хлястника, отведенное за спину, мягко стукнуло по раме. Теор, выструнив тонкие ноги и руки, с удивительной ловкостью скользнул в окошко и пропал. Только мелькнули гладкие подошвы кожаных баерок.

Стражники замерли возле нашего стола. С ними замер весь «Хмельнес». Лишь из дальних углов доносились раздраженные вопросы тех, кто не видел, куда именно подевался Теор.

Один из стражников, сбросив оцепенение, подбежал к стене. Не выпуская меч, подтянулся к окну. Все это выглядело безнадежным и даже смешным. В таких доспехах его бы туда не запахнул и целый отряд подмоги.

– Он на пятой линии! – спустившись, крикнул стражник.

В дверях таверны засуетились.

– Кретины! – бросил следивший за нами незнакомец. – В обход!

– Как?

– По спусковой, как! Быстро!

Двое стражников заторопились к выходу. Третий, стоявший возле окна, подтянулся еще несколько раз – старался рассмотреть, куда именно бежит Теор. Наконец, отойдя от стены, оправил сбившийся нагрудник.

– Вы его знаете? – спросил он меня.

– Впервые видим, – не поворачивая головы, ответил Громбакх.

Вся таверна слушала наш разговор. Шикала, если кто-то начинал шуметь.

– Впервые?

– Да. – Охотник пожал плечами. – Думали, торговец.

– Торговец?

– Да. Втюхивал протез для моей коровы.

– Коровы?..

– Ну да. Она, знаете, у меня дура. В капкан забралась. Теперь вот хромает на культяпке. Протез надо ставить.

– Понятно. Осторожнее с такими торговцами. А то, глядишь, и сами будете нуждаться в протезах.

Стражник вложил меч в ножны. Хлопнул себя по правому плечу и потребовал, чтобы мы обнажили нашейные сигвы. Тенуину пришлось сбросить капюшон – показать белую, будто вощеную кожу лица, косичку тонких белых волос и чуть вытянутые, заостренные книзу уши. Впрочем, стражник больше интересовался мною. Внимательно изучив въездную отметку, сделанную еще в приграничном Харгое, кивнул и зашагал к выходу.

– Послушайте! – окрикнул я стражника. – Значит, нам не стоит ему доверять? Думаете, обсчитает?

Стражник помедлил. С озлоблением посмотрел на меня, но ответил сдержанно:

– Держитесь от него подальше. Он вор и убийца. Если вас опять увидят с ним, проверкой не отделаетесь. – Уже отвернувшись, процедил: – А все в окошко точно не удерете.

– А паренек-то у нас мутный. – Громбакх забросил в рот несколько кубиков клюта, стал неспешно их разжевывать, иногда приоткрывая рот – так, что фиолетовые пузыри лопались на губах.

Когда из таверны вышли последние стражники, посетители с надеждой посмотрели на главный стол, надеясь, что толкотня там перерастет в драку. Но за главным столом теперь тоже было тихо. Вздох разочарования сменился мягким говором. Все успокоилось и вернулось к обычному ритму.

– Что будем делать? – Охотник посмотрел на следопыта.

– Увидим. – Тенуин, прикрыв голову капюшоном, вновь откинулся к стене.

– Увидим, – кивнул Громбакх.

Слежка, стражники, прыжок Теора в окошко, то, что его называли вором и убийцей, – все это стоило хорошенько обдумать, но сейчас меня больше интересовало другое. Новое видение. Серебристый луч и серебристая сеть. Точнее, сам факт, что луч предвосхитил задуманное Теором. Что это означало и как это связать с кровавой ночью в Кар`ун-Айе, я не знал.

Глава 2

Птеард

Слово «лигурит» больше века как утратило исконное значение, указывавшее человека, которому лигур временно передал особые свойства силы, защиты или воздействия на окружающие предметы. В наши дни лигуритами принято называть всякого, кого затронуло влияние лигура, вне зависимости от того, было оно полным или частичным, усиливающим или ослабляющим.

Все бо́льшую популярность обретает деление таких лигуритов на «отражения» и «порождения».

К первым относят все тех же временно усилившихся людей, среди которых немало представителей богатейших родов и приближенных к ойгуру, а также любого, кто хоть один раз воспользовался целебными, омолаживающими или просто бодрящими свойствами «лигурной воды», то есть источника, в который нарочно помещен соответствующий лигур.

В свою очередь к «порождениям» относят прежде всего черноитов, или артаков (названных так по имени Артака из рода Клиата), – людей, измененных, но в большей или меньшей степени сохранивших отголоски изначальной личности. Кроме того, к «порождениям» относят салауров (артаков) – людей измененных, но сохранивших отголоски изначальной личности, салауров⁶ – людей, полностью созданных влиянием лигура (таких, как ниады, сиволлы, кромники и новоявленные фаиты, существование и особенности которых, однако, еще не подтверждены достоверно), и зордалинов⁷ – людей, целиком утративших и внешность, и личность, выродившихся в звероподобных и опасных существ (ставших подобием древних калургов).

Многим такая классификация представляется наиболее точной и удобной, однако исчерпывающей ее назвать нельзя. До сих пор непонятно, куда относить людей, на которых лигуры не оказывают никакого воздействия вообще (как те счастливики из Вепрогона, кто без каких-либо лишений

⁶ Салаур – похожее на земляную крысу существо из ворватоильских сказок. Живет в лесах, питается страхом. Является человеку в наиболее гиблых местах или в минуту смертельной опасности. Благодаря страху входит в сознание человека и как паразит живет в нем до конца жизни – беспокоит в кошмарах, заставляет видеть в темноте воплощение худших страхов.

⁷ Зордалин (или зордали́н) – (ворват.) звероподобное существо.

пережил Черный мор), людей, способных частично изменять влияние лигура, людей, устанавливающих необычную тесную связь с лигуром даже после разъединения с ним, и многих других людей, особенности которых еще требуют достоверного свидетельства.

«Годовой вестник Матриандира».

Пятый раздел, гумник, 484 от к.э.

Вглядывался в щель между половых досок. Ничего толком не видел. Нужно было прижаться к полу лицом, тогда я, пожалуй, смог бы разглядеть, что сейчас творилось на нижней улице, но делать этого не хотел. «Угораздило спрятаться в свинарнике!» Два октинских хряка недовольно похрюкивали в тесных загонах. Густые челки падали на глаза, почти доставали до закрытых колпачками бивней. Загривки были украшены синими лентами. Бока лоснились. Ухоженные. Плохо. Хозяева могли в любой момент прийти проведать питомцев.

Хряки беспокоились. Догадывались, что чужак не ушел. Видели, как я вломился через крышу. В пробоину теперь заливал дождь.

Выругавшись, я все же лег, прислонился лицом к грязным, пахнущим навозом и турцанской мазью доскам. На нижней улице, подо мной, неторопливо шли прохожие с листовыми зонтами. Никаких наемников. Впрочем, обзор тут был ограничен поперечными балками. Многого не увидишь при всем желании. Оставалось ждать.

Я медленно, опасаясь шуметь, сел к стене. Осмотрел ногу. Брючина разорвана. Прокусил до кожи. Поцарапал. Могло быть хуже. Такой бы и кусок мяса выдрал. Корове Громбакха пришлось бы делиться своими протезами. Я беззвучно усмехнулся. Представил, как буду рассказывать охотнику о побеге. Тут есть о чем рассказать. Одни мавганы чего стоят.

Хряки терлись о перестенки, топтались, позвякивали глухими колокольчиками. Оставалось надеяться, что шум дождя и ветра скроет их беспокойство. Жилой дом рядом. Я уже заглядывал за дверь. Там – промежуточная хозяйственная комната с инструментами и запасом кормового овса.

Проблем у Теора нашлось куда больше, чем нам представилось той ночью в «Хмельнесе». Городскими стражниками тут не обошлось. Птеард... Не хотел бы я ссориться с этим стариком. Но пришлось. Спасибо Теору. Мог бы предупредить. Он наверняка догадывался, что его, а заодно и нас, будет выслеживать чуть ли не половина Предместья.

Подумывал бросить хрякам лежавшие в мешках кормовые корнеплоды – в надежде купить их молчание, когда из хозяйственной комнаты донеслись голоса. «Идут. Ну, все». Взмолился, чтобы хозяева свинарника оказались кроткими, добродушными людьми, которые, увидев мою разодранную брючину, подумали бы, что...

– Сен! – надрывно заголосила старуха в потрепанном сарафане с капюшоном. Вошла из хозяйственной комнаты. Выронила корзину. По грязному полу раскатились крупные морковины. – Сен!

– Постойте! – Я вытянул руки, стараясь успокоить старуху.

– Сен! – Старуха не унималась.

Из-за ее спины протолкнулся старик в плотной домотканой дханте. В руках у него был меч.

– Послушайте...

– Ах ты, поганец! Стража!

Вздыхнув, я прикрыл глаза. Опять бежать. Опять эта круговерть в паутине навесных улиц. Еще несколько мгновений отдыха и – в дверь. Я заранее позаботился о том, чтобы выдернуть засов. Если б не паршивые хряки с синими ленточками на холке...

Когда я, запыхавшийся, мокрый от дождя и к тому же перепачканный в навозе, ввалился в первую попавшуюся таверну, половой встретил меня недовольным оценивающим взглядом. Промолчал. Думаю, к нему заглядывали и более сомнительные посетители.

Потребовав крапивный суп с мятками, я разместился за столом в дальнем углу.

Погоня затягивалась. Я выбивался из сил. Короткий отдых в свинарнике не помог. Еще часок такой беготни, и я бы точно свалился с одного из горизонтов. Полетел бы, кувыркаясь, сшибая перила нижних улиц, и грохнулся бы на землю. Оставалось надеяться, что наемникам наскучит гоняться за мной по всему Предместью и они решат, что лучше напрямую ловить Теора. Или хотя бы Громбакха. С ним бы наверняка вышел более толковый разговор.

Таверна пустовала. Трое закутанных в дханты посетителей. Не самое удачное место, чтобы прятаться, но выбирать не приходилось. Оглядевшись, я поморщился. Черный ход – на кухне. Туда так просто не пробиться. Половой загораживал дверь. Да и бежать пришлось бы через весь зал. Значит, окно. Я едва сдержал смех, представив, что повторю вчерашний трюк Теора. «Этак мы все запишемся в акробаты». Впрочем, окно здесь, хоть и затянутое сеткой, было значительно шире. В такое я бы протиснулся.

Принесли крапивный суп. Молча кивнув служанке, я сгорбился над столом. Только сейчас почувствовал, как густо от рукавов несет навозом. Мокрый, растрепанный, я вполне мог сойти за местного работягу. Мысль приятная, но, когда в таверну вбежали два наемника, я о ней как-то позабыл.

«Один шаг и – в окно».

Неторопливо поднимал ложку. Демонстративно вылавливал из миски разбухшие мятки. Почесывал голову и грудь. Косился на входную дверь. Видел тяжелые гронды наемников.

«Один шаг и – в окно».

«Не буду ждать, пока они пройдут через весь зал».

«Надо было заплатить половому. Он бы спрятал на кухне. Там и черный ход на всякий случай. Два медяка, и я спасен. Как же сразу не сообразил...»

– Где? – Монета глухо ударилась о деревянную стойку.

«Хватило бы одного медяка...»

Я вскочил прежде, чем половой указал на меня.

Еще больше развеселившись от мысли, что наемники, бросив половому монету, в сущности оплатили мой неоконченный обед, я кинулся к окну. На ходу примерился и, зажмурившись, выставив плечо и прижав к нему голову, ломанулся через сетку...

Не таким мне представлялся этот день, когда утром, едва Предместье очнулось от тяжелого хмельного сна, в дверь моей комнаты постучал бегунок. Парнишка в тугих холщовых брюках и сорочке достал сложенный вдвое, запечатанный смольной печатью листок.

– Ты уверен, что это мне?

– Четвертый восточный горизонт. Шестая линия. Подворье «Хмельнес». Восьмая комната. Передать сразу после пробуждения.

– Ясно.

Сломал печать. Расправил листок. Написано большими четкими буквами, на долгом языке. Приглашение немедленно посетить Эйнардли, Селиванную рощу, третий канал, дерево сорок пятое.

– Эйнардли... Самый центр Целиндеда.

– Так точно, – кивнул бегунок.

Приглашаю обсудить дела, важные не только для вас, но и для нашей общей знакомой, Миалинты. Приезжайте сразу, как сможете. Потом будет поздно что-либо обсуждать.

Ни подписи, ни даты в записке не было.

– Пролетка вас ждет, – отчитался бегунок. – Поездка оплачена. Ответ запиской не оплачен.

Приглашение вызывало вопросы, однако ничего подозрительного я в нем не увидел. Возможно, кто-то из знакомых Миалинты решил лично расспросить ее спутников – не так легко принять, что твой друг стал фаитом, салауором.

Сказал Грому и Тену, что хочу съездить в Целиндел, о записке умолчал. В начале следующего часа уже покинул Предместье – по широкому деревянному мосту въехал в город. Под мостом шел ров, заполненный густым хлорисом. Теор вчера упоминал, что в него порой падали захмелевшие горожане. Большая часть гибла. Те, кто выбирался, на всю жизнь оставался обезображен ожогами.

На въезде в город пришлось вновь показать плечевую сигву.

В Целинде, в отличие от Предместья, большие навесные улицы были запрещены. Все дома тут располагались на земле. По окраине в основном ютились плетеные или бревенчатые строения, а в центре, известном как Эйнардлин, дома были выдолблены в стволах эйнских деревьев. Сам Эйнардлин представлял собой древнюю Предрождённую рощу, выросшую за многие века до прихода первых переселенцев из Земель Ворватойла. Посреди рощи стояло гигантское, не меньше шестидесяти саженей в обхвате, дерево Мортхи. Его крона возвышалась над всеми здешними лесами.

Дерево Мортхи было сердцем всего Эйнардлина – единственным из сохранившихся до наших дней реликтовым эйнским деревом. В древности ветви Мортхи неторопливо разрастались по сторонам, укрывались плотной листвой и вытягивали вниз, к земле, воздушные корни. Поначалу тонкие, легко развевающиеся на ветру корни удлинялись, тяжелили, а достигнув почвы, впивались в нее. Со временем такой корень покрывался корой и превращался в новое дерево – крепкий отросток, который обрел самостоятельность, но навсегда остался связан с предрождённым деревом. С веками отростков становилось больше. Иногда расстояние между ними едва насчитывало десять шагов, но чаще составляло от пятнадцати до двадцати саженей. И каждый сам по себе становился огромным, ветвистым деревом, по толщине в пять-шесть раз превосходившим эйнские деревья в Предместье. Отросток в любом другом месте смотрелся бы могучим, величественным и только здесь, в Эйнардлине, оставался слабым сыном исполинского отца. Так и появилась Предрождённая роща, где, в сущности, росло одно-единственное дерево.

Первые поселенцы прибыли сюда в годы правления Эрхегорда Великого, но тогда, по его же указу, разместились в отдалении от Рощи, ближе к реке Дарве. Целиндела как такового еще не было, а возведенный тут восточный форпост называли просто Ноил-Дарвааном, что в переводе с ворватойльского означало «стена, построенная на Дарве».

Уже в правление Горфандира, третьего Венценосца из рода Эрхегорда, в вечной мерзлоте под Муэрдорским лесом нашли соляные залежи. После открытия соляных шахт был основан приписанный к Матриандиру Целиндельский острог, тогда же появились первые навесные улицы, где в основном жили рабочие, служившие на рудниках. Прошло несколько десятилетий, прежде чем Целиндел признали самостоятельным городом. Первый же назначенный сюда наместник распорядился облагородить Предрождённую рощу: в отростках вырубить жилые дома, а в самом дереве Мортхи устроить резиденцию.

Освоение Рощи затянулось на долгие два века из-за необычайной твердости железного дерева и не замирало даже в годы Темной эпохи. Сейчас строительство в Роше запретили. Впрочем, и новые отростки теперь не появлялись. Кроны и ветви деревьев по-прежнему плотно покрывались листвой, к лету украшались разлапистыми белыми бутонами, толстые стены домов и резиденции оставались живыми, но Роща больше не расширялась.

По заверениям авторов «Земель Эрхегорда в своеобычии древнейших поселений», Целиндел на ворватойльском означал «поющий лес». В самом деле, ночью, когда вдоль каналов бродили лишь беззвучные светляки, на всех этажах Рощи можно было различить легкое гудение – слабую вибрацию реликтовой эйнской древесины. Говорят, во времена, когда люди

еще не заселили Эйнардлин, деревья в любую погоду до того громко тянули древнюю многоголосую песню, что о приближении к Роще путники узнавали за несколько верст.

«Какой была эта песня? В самом ли деле в ее переливах звучали подлинные мелодии, лишь в общих чертах доступные нотному раскладу наших музыкантов, или же звучание их было до того глубоким, что лишь пугало человека – показывало ему собственную ограниченность, ведь на каждую нашу ноту у дерева Мортхи наверняка таились десятки для нас неуловимых созвучий. То был голос старых эпох, уводящих к расцвету Предшественников, а быть может, и к их зарождению. К временам, когда еще не поднялись над землей скалы Хамаруданского хребта, когда озеро Бай-Урлин еще лежало пойменной ложей, а великая река Амунандакан, омывающая склоны Эридиуса, текла скромным ручьем. Не было ни Южной расщелины, ни Скальных бросов, а в долины Зиалантира еще не ступила нога чужаков. И этот некогда могучий голос ныне стал слабым эхом самого себя, служит к ублажению тех, кто живет в новомодных домах, адресный номер каждого из которых указывает на дерево: номер 5 или номер 12 по одному из 47 каналов, в одной из 12 внутренних рош».

Весь этот отрывок я еще ночью, перед сном, старательно выписал себе в бумаги – неожиданная встреча со стражниками Предместья напомнила о необходимости и впредь разыгрывать вольного путешественника, приехавшего в Земли Эрхегорда для составления путеводника.

Когда пролетка выехала на мощные улочки Эйнардлина, я заметил, что кроны реликтовых отростков сливались в единые узлы гигантских веток, по которым тянулись прогулочные мостовые. Там же, в листве и бутонах, стояли резные беседки, миниатюрные танжурки для отдыха и украшенные цветами деревянные пологи.

Всю Рошу прорезали витиеватые каналы. Через них вели арочные мостики и крепкие бревенчатые пролеты. Все каналы лучами расходились от Озера песен и сливались в единый Окружной канал, отделявший Рошу от окраинных построек Целиндеа.

Озеро песен стелилось вокруг дерева Мортхи. По нему свободно плавали белокрылые аиты, а на его дне в закрепленной стальными цепями дианитовой сфере хранился один из трех наместных лигуров – «Зерно айвы», благодаря которому Эйнардлин навсегда очистился от гнуса и прочих насекомых.

Пролетка остановилась на берегу канала, возле одного из домов в реликтовом отростке. Поблагодарив возникшего, я в наилучшем настроении, жмурясь от яркого солнца, отправился к вырубленной в корнях лестнице. Наслаждался приятной смесью цветения, свежести и пропитанной маслами древесины. Поднялся на веранду. Помедлил, наслаждаясь видом на канал. Постучал.

Никто не ответил.

Постучав уже в третий раз, понял, что дверь не заперта. Толкнул ее. Она беззвучно отворилась. Уверенный, что меня ждут, вошел в прихожую.

О размещении дома внутри огромного живого дерева напоминало не так много. Разве что удивляли низкие потолки и отсутствие люстр – для освещения по углам стояли шарообразные светильники. Травяные ковры полностью покрывали пол, а стены оставались открытыми – лучшим украшением для них был естественный узор эйнской древесины. Ни одного гвоздя или держателя. Стену явно берегли и, должно быть, время от времени покрывали питающими маслами, чтобы она не темнела. Картины, гобелены, деревянные маски с мордами животных, низки цветочных гроздей и все прочее крепилось на своеобразные треноги: покрытые резьбой, они становились дополнительным украшением комнаты.

Меня никто не встретил. Я кашлянул, стараясь привлечь внимание слуг или хозяев дома. Не дождавшись ответа, подумывал уйти, но решил, что глупо так и не выяснить, кто и по какой причине вызвал меня в столь ранний час.

Из прихожей вглубь дома вела единственная дверь. Собственно, вместо двери на проходе висела тонкая занавесь. Раздвинув ее, я вошел в комнату побольше. Отсюда на второй этаж уводила витая деревянная лестница. Комната, уставленная зеркалами, сверкавшая хрустальными переливниками и по стенам вся затянутая травным плетением, тоже пустовала. Ни людей, ни голосов.

Я зашагал вперед, к еще одному проходу, завешенному плотной, утяжеленной большими красными кистями тканью. Пройдя мимо раскрытого окна, увидел, что по каналу плывет прогулочная лодка. Белоснежные зонтики сидевших в ней женщин отражали солнечный свет.

Раздвинул занавесь. Темно. Прислушался. Смело шагнул вперед. Передо мной оказалась загородка из рисовой бумаги. Раскрашенная видами Эйнардлины, она напоминала театральную ширму.

Прошел вдоль ширмы. Заметил, что в глубине комнаты горит свет. Сделал еще несколько шагов и замер.

Перед высоким трюмо в окружении свечей стояла девушка. Увидев в зеркале мое отражение, она обернулась. Крепкая волна темных волос. Зажатая в руке костяная расческа. Светлые перчатки. Босые ноги, по щиколотку утопавшие в мягком ворсе ковра. Девушка была в ночной саффе из легкой ткани. Спальня... Возле трюмо – широкая, еще не застеленная кровать. Окна закрыты плотными портьерами. Красный полумрак. Я дернулся назад. Ударился спиной о раму загородки, едва не порвал полотно из рисовой бумаги. Девушка чуть улыбнулась. Пристально посмотрела на меня – взглядом тягучим, будто обволакивающим, погружающим в дрему и, несмотря ни на что, лишенным страха. Пробормотав какую-то глупость, я махнул запиской, будто она могла хоть отчасти объяснить мое поведение, и наконец выбрался из комнаты.

Задержав за собой занавесь, быстрым шагом направился к окну. Лишь выглянув на улицу, глубоко вздохнул.

Теперь выбегать из дома было бы вдвойне глупо. Я решил дожидаться хозяйку. Не отходил от окна, всматривался в искрящиеся под солнцем воды канала, а перед моими глазами по-прежнему стояла девушка. С распущенными волосами. В легкой саффе, под которой просвечивала ее теплая кожа. Вдыхая свежие запахи канала, я по-прежнему чувствовал травный аромат уюта и сна, наполнявший спальню, поднимавшийся от мятых простыней, от бордового тафтяного одеяла.

Развернулся, намереваясь пройти по комнате, и опять замер. Я был не один. Выбежав из спальни, не заметил, что теперь под лестницей стоял наемник. Высокий, в целую сажень, в клепаном жилете поверх кожаной рубахи, с громоздким молотом в ногах. Оставалось надеяться, что записка все-таки была именно от девушки. К этой минуте я уже ничего не мог изменить, хоть, конечно, и не догадывался, что за краткую прогулку по Эйнардлину вскоре должен буду расплачиваться рваными брюками и беготней по навесным улицам.

– Простите. Вы быстро приехали. – Я еще не успел провонять навозом, ободрать штаны и рубашку, вывалиться вверх тормашками на мокрую от дождя мостовую, так что девушка, переодевшись и выйдя в комнату, отнеслась ко мне благосклонно, пусть даже минутами ранее я вломился к ней в спальню. – И вас должна была встретить служанка. Не знала, что вы встаете с рассветом. Вчера в таверне вы сидели допоздна.

– Путевая привычка, – мягко поклонился я. – А вы за нами следили?

– Следили? Нет, что вы! Простая предосторожность.

– Как скажете. Так Миалинта – ваша знакомая.

– Моя подруга.

– И вы хотели обсудить какое-то связанное с ней дело.

– Читать вы умеете, это обнадеживает. Думаю, мы сговоримся.

– Как скажете.

– Вы всегда так услужливы? – Девушка улыбнулась. Скорее насмешливо.

– Что вы! Простая предосторожность.

Улыбка стала мягче.

– Эрза. А это, – девушка указала на стоявшего под лестницей наемника, – Нордис. Не обращайтесь на него внимания.

– Непросто игнорировать стоящего за спиной гирвиндионца с боевым молотом.

– Вы знаете, что он гирвиндионец? Думала, вы в наших краях не так давно.

– Читал Гаона Свента из Ликинора.

– «Поучение о разнообразии народов»?

– Именно.

– Чудесный был старичок.

– Свент?

– Да. Это ж надо умудриться столько написать о разнообразии народов Кольца и при этом ни разу за всю свою долгую жизнь не покинуть мелкотравчатый Ликинор. Говорят, он даже не умел ездить верхом.

– Действительно говорят.

– И что же он написал про наш Гирвиндион?

– Многое.

– Например?

– Боюсь, не вспомню ничего, что можно было бы процитировать вот так, стоя спиной к гирвиндионцу.

– С боевым молотом?

– Именно.

– Нордис добрый. Если его не злить.

– Логично.

Я еще не знал, как относиться к Эрзе и что вообще думать об этом разговоре, но не мог не отметить ее красоту. В легком тканом костюме с короткими рукавами и узким плоеным воротником она смотрелась ничуть не хуже, чем в ночной саффе. На руках у нее были светлые кожаные перчатки, вместо привычных сандалий – диалинки на высокой деревянной подошве. В умеренной красоте Эрзы не было ничего величественного, однако весь ее облик таил что-то притягивающее, завораживающее. Отчасти нескладная, с чересчур пышными и длинными волосами при таком небольшом росте. Вся тонкая, как жила – не слабая, а натянутая, подобно тетиве, с лицом, которое могло бы послужить образчиком для гравюр того же Гаона Свента при изображении лучших черт людей среднегорной полосы, но с излишне заостренными ушами, верхушки которых прорезали даже густую шапку волос. Эрза заставляла смотреть на себя, пристально и с неожиданным наслаждением изучать каждую несуразицу ее красоты. Если б не первые тонкие морщинки, я бы подумал, что она еще не получила кухтиар, но и без того ей могло быть и двадцать, и тридцать лет. В этом противоречии тоже крылось что-то приятное.

– Миалинта знает, что она ваша подруга? – небрежно спросил я и заставил себя отвести взгляд от девушки.

– Догадывается.

– Даже так?

– С тех пор, как помогла мне бежать из Багульдина.

– Бежать? От чего? Или от кого?

– Вы заинтригованы?

– Просто любопытствую.

– В наших краях любопытство – порок и карается строго.

Я невольно покосился на глыбу Нордиса. Гирвиндионец, как и прежде, стоял неподвижно. Не зря их называли колунами. Голова у наемника в самом деле была почти треугольной, с заостренным к подбородку лицом, и отчасти напоминала лезвие колуна. Низкий широкий лоб. Над ним короткими кудрями топорщились грубые черные волосы. Сросшиеся над переносицей брови угольной чертой пересекали кожу от виска к виску. Лицо без чувств и, кажется, без мыслей.

– Не мне вас судить. – Эрза отвернулась к окну и теперь стояла ко мне спиной, будто нарочно позволяя внимательно осмотреть себя со всех сторон. – Я и сама порой излишне любопытна. Скажите, что случилось с Мией.

– Вы не знаете?

– Знаю. Она рассказала. Но... – Эрза резко повернулась ко мне. – Миа изменилась. Ее поведение, ее слова... И эти глаза... Вы заметили, что они меняют цвет в зависимости от настроения?

– Заметил.

– Как необычно. И неудобно. Запомни соответствие цветов и спокойно читай ее чувства.

– Думаю, это временно.

– Что?

– Радужки стали меняться два дня назад. До этого они были жемчужными. Словно отблески Млечного Пути.

– Отблески Млечного Пути... Вы всегда так внимательны к женским глазам?

– У всех фаитов такие глаза. В них будто застыло небо.

– Фаитов можно отличить только по глазам?

– По волосам. По изменившемуся поведению.

– Так и есть. – Эрза кивнула.

Подошла ко мне – достаточно близко, чтобы я в деталях услышал ее сложный аромат из смеси черемухи, сирени и какого-то еще сладкого, мне не знакомого цвета.

– На Дарве фаитов останавливают. Никто из тех, кто покинул Целиндел в западном направлении, не доехал даже до отворота в Нилм. – Девушка говорила на удивление четко, быстро. При этом неотрывно смотрела мне в глаза. Радужки мягко-голубые, с примесью темно-синего. – Миа сказала, что сопровождает вас в Авендилл, затем уже вы сопровождаете ее в Оридор. Обе затеи – глупые. Но все это неважно. Потому что она не проедет заставу. Фаитов отлавливают. По распоряжению коменданта.

– Я ничего...

– Это не разглашается. Впрочем, фаитов ловит не только стража.

– Кому...

– Их ловят наемники.

Эрза говорила напористо, не позволяла прервать себя вопросом. Смотрела настойчиво, при этом чуть наклонилась вперед. Мне стало тесно.

– Фаиты – нечто новенькое. И многим интересно, что они из себя представляют. Правда ли, их тела иссыхают после смерти? Правда ли, они видят больше, чем другие люди? Правда ли, питаются солнечным светом, а в темноте умирают от голода?

– Чушь какая-то...

– И вы готовы всем доказывать, что это чушь?

– Я...

– Нет. Проще поступить иначе.

– И как?

– Отказаться от поездки по Кумаранскому тракту.

– Мы...

– Нет, я не буду отговаривать вас от затеи с руинами и городом книжников. – Начинало злиться то, как легко и самоуверенно Эрза срезала любое из моих возражений. – Это ее выбор. Но вот так отправлять подругу на смерть я не могу. Миалинта меня не слушает. Не верит, что кто-то на заставе посмеет схватить дочь наместника, пусть и... ненастоящую.

– Ненастоящую?

– Это самоубийство. И в память о том, как однажды Миа спасла меня, я сделаю все, чтобы спасти ее в ответ. Пусть даже она этого не понимает.

– А что вы предлагаете? Остаться в Целинделе? Вернуться в Багульдин?

– Отправиться по Старой дороге.

– Но... – Тут Эрза не стала перебивать. С интересом наблюдала за моей реакцией. – Я слышал, Старая дорога закрыта.

– Ее закрыл страх.

– Для вас этого недостаточно?

– Я этим живу.

– Страхом?

– Мои люди сопровождают тех, кто едет по Старой дороге.

– Зачем сопровождать, если дорогу закрывает только страх?

Не только. Крысятники. Оскотинившиеся наемники. Мелкие воришки. Отбросы, которым не нашлось места даже на окраинах Предместья. Ждут там легкой добычи. Мечтают добраться до пропавшего Лаэрнора и сцедить все богатства его знатных жителей. А попутно грабят проезжих.

– Значит, дорогой все-таки пользуются? Иначе грабить было бы некого.

– Пользуются. Но грабят лишь тех, кто пожадничал и отправился туда без сопровождения.

– Логично.

– Более чем. Поэтому я и позвала вас. Хочу, чтобы вы объяснили вашим спутникам эту логику. Миа опасается ехать по Старой дороге только из-за них. Согласитесь, глупая ситуация.

– И ведь по Старой дороге ближе, чем по тракту.

– Значит, мы договорились.

Я кивнул.

Эрза сделала еще два шага в мою сторону – оказалась так близко, что прикоснулась бы ко мне при следующем шаге. Привстала на диалинках. А я отчего-то в эти мгновения думал о стоявшем за моей спиной Нордесе. О его боевом молоте.

– Скажите. Шепните. Я все-таки хочу услышать.

Эрза говорила с едва приметной улыбкой. Смотрела на мои губы, будто в самом деле ждала каких-то важных слов.

– Сказать? Что?..

– Скажите, что там Свент писал про наших гирвиндионцев.

Когда Эрза говорила, я чувствовал, как шея касается ее теплое дыхание.

– Что они убийцы, – нехотя признался я. – Что они тугодумы.

– Что-то еще?

– Ну... – Я заставлял себя отойти от Эрзы хоть на один шаг, но вместо этого стоял на месте и, как дурак, отвечал ей урок истории, надеясь, что моей памяти хватит на пару дополнительных фактов из «Поучения». – Смешанный народ. Когда-то были кочевниками. К концу Темной эпохи пришли в защиту княжества Леонгард⁸, но были разбиты союзниками княжества Миорит и спрятались в горах Запада, за Саильскими пещерами.

⁸ Княжество Леонгард было основано в 71 году от Коронации Эрхегорда. Основатель – Наирутор ас Леонгард, сын Ниалама ас Миорита, второго Венценосца из рода Эрхегорда. После Темной эпохи лишено всех земель. Столица княжества полностью

– Так, – кивнула Эрза.

Я ощутил прикосновение ее волос.

– После Войны пяти княжеств единственный проход к их укрытию завалило во время обвала. Все думали, они там помрут в первую же зиму, но они выжили.

– Так. – Вновь прикосновение волос.

– Пробили новый выход в низину, к сопкам... не помню название.

– Мелантинским.

– Кажется, так. Поначалу воровали скот, людей. А потом стали торговать рудой. Объявили основание своего княжества. Гирвиндион. Ойгур их не признал, но и воевать с ними в западных горах не захотел.

– Так.

– Гирвиндионцы часто идут в наемники. Правда, из Западных Земель редко выезжают. Как наемники известны жестокостью.

– И?

– И... преданностью, силой.

– Все правильно, хангол. Все правильно. – Эрза привстала еще выше, на самые цыпочки, так, что стала чуть покачиваться и должна была упереться рукой мне в плечо. Маленькая теплая ладонь. – Хорошо, что ты все это знаешь. Значит, понимаешь, что идти в сопровождении такого наемника можно спокойно, не вспоминая ни крысятников, ни мелких грабителей. Понимаешь?

Я неуверенно кивнул.

– Вот и хорошо.

Эрза резко отстранилась от меня. Отошла к висевшему на стене гобелену с изображением ойгурной охоты на маргул.

– Я рада, что мы поняли друг друга.

Впервые за все время Нордис оживился. Переступил с ноги на ногу. Беззвучно вздохнув, выпрямился. Едва не задев лестницу, вскинул молот на плечо. Встреча была окончена.

Лишь выйдя к набережной канала, я наконец почувствовал легкость. Будто вырвался из по-своему приятной, но все же губительной западни. Нужно было как следует обдумать услышанное. Не помешало бы еще поговорить с Миалинтой.

Брать пролетку не хотелось. Я надеялся, что прогулка через Эйнардлин освежит. К тому же планировал подробнее осмотреть окраины Целиндеа.

Обернувшись, увидел, как трое мужчин скользнули в дом Эрзы. Дверь за ними спешно захлопнулась. Должно быть, это были ее люди, сопровождение которых она так настойчиво предлагала. Судя по ширине в плечах – явно не гирвиндионцы.

Еще двое пошли за мной.

Склонившись к перилам, отгораживавшим канал от набережной, я притворился, будто интересуюсь прогулочными лодками, а сам вновь посмотрел назад. Да, никаких сомнений, двое шли следом. Ускорялись и задерживались вместе со мной, не приближались ни на шаг от изначального расстояния, но при этом совсем не прятались, более того – неприкрыто смотрели на меня.

«Тоже люди Эрзы? Не лучший способ заслужить доверие. Если только она не выслала их для моей же безопасности».

От такой мысли сделалось кисло. Возможно, подобная опека не нравилась и Миалинте. Не зря же она игнорировала предупреждения подруги. Если они действительно были подругами. И если это действительно были люди Эрзы...

Вскоре Окружной канал, а с ним и Предрождённая роща остались позади. Окраины Целиндела, занимавшие не меньше половины его пространства, оказались куда более шумными и оживленными. Я шел по мощеным и земляным улочкам. По навесным мостам переходил через оросительные речки и Светлые пруды, в которых рыбы и вся донная растительность по ночам светились густым зеленым светом. Побывал в ткацком, скорняжном кварталах, в квартале деревянных поделок, на цветочном рынке и рынке шкур. Видел спрятавшихся под холщовым навесом художников – они торговали лубком и картинами, сплетенными из ивняка.

Вдоль прогулочных аллей по деревянным шпалерам тянулись фосфулины, раскрывавшие свои бутоны лишь в темноте, – их лепестки, напитавшись солнечным светом, излучали сияние недостаточно сильное, чтобы заменить уличные фонари, но настолько теплое и уютное, что они вполне сходили за городские ночники.

На моем пути кричали возничие, скрипели телеги, из земляных будок лаяли собаки. Город жил – шумно, бойко. Я насчитал не меньше пяти постоянных дворов и семи таверн. Были тут и мелкие харчевни, и хмельные рёзвальни, где есть и пить можно было лежа, развалившись на перине перед составленным из бочек столом. Видел и трактир «Соленые озера», предлагавший брагу из Южных Земель – о нем как-то упоминал Громбакх. Побывал в уличном театре под навесом, где пели и танцевали артисты, полностью облаченные в костюмы из цветов.

И все это время преследователи не отставали от меня ни на шаг, проявляя удивительную настойчивость даже в те мгновения, когда я бросался наперерез дробившему по брусчатке экипажу, а затем сворачивал за угол одного из плетеных домов. Все это казалось глупой игрой, играть в которую мне в итоге надоело. Я решил, что самое время отправиться в Предместье. Затеряться там было проще.

Целиндел находился в отдалении от Лощин Эридиуса и Южных Земель, но даже здесь чувствовалось смешение народов, о котором писал Гаон Свент. Помимо уже привычных дворов, здесь то и дело встречались так похожие на Теора длинноногие и тонкорукые пустынные аваки с Соленых озер. Нарголы из горных селений, до того низкорослые, что издали могли бы сойти за ребенка, если б не типичная для них походка с развалыщей. Узколищные потомки степных гулов – их прадеды в составе летучих отрядов из Земель Нурволкина вторглись в Земли Эрхегорда, когда здесь бушевала Война пяти княжеств. Гулы хотели урвать кусок Южных Земель, а с ними – большую часть медных рудников и плавильных селений, но в итоге лишь призвали войну на свои же земли. Нарнаиты из Земель Молонтина, с привычным для людей среднегорной полосы телом, но с пугающими лицами: ромбовидные глазницы и расположенные вертикально, чуть наискось, дыхательные щели на щеках, поросль густых, стянутых в косичку волос на месте, где привычнее видеть обычный нос. Анаиты, гольдры, синеглазые кульды и кульды высокогорной полосы, всевозможные кочевники, выходцы из далекого царства Махардишана с их приплюснутыми носами и заостренными, будто рог, локтями и многие другие народы, ни названия, ни происхождения которых я не мог вспомнить. Некоторые отчасти сохраняли традиционную для родного края одежду и украшения, но большая часть давно чувствовала себя подданными Венценосцев из рода Эрхегорда, жителями одного из старейших городов Восточных Земель, Целиндела, а потому предпочитала следовать его традициям и чаще выбирала тканую дханту, конопляные костюмы или уж совсем заурядные хлопковые сарафаны.

Впереди показался мост, а за ним – горизонты навесных улиц. В надежде окончательно утомить преследователей, убедить их, что ни опасности, ни интереса мои прогулки не представляют, я заглянул на оживленный хозяйственный рынок. Долго бродил между лавками, с которых торговали семенами эгонии, мхом, паклей, эвкалиптовой стружкой, отшлифованными комлями и прочими материалами.

Выйдя с рынка, обнаружил, что остался один, без сопровождения. Однако моя радость была недолгой. Стоило приблизиться к мосту, ведущему в Предместье, как мне навстречу

выехали два всадника. Один из них вел в поводу оседланную лошадь без ездока. В ламеллярных доспехах с легкими кожаными наручами. По нагруднику стальными бляшками был наклепан узор: птица с растопыренными когтями и воздетыми крыльями. Наемники. Ни знаков на правом плече, ни герба Целиндеда.

– Вы поедете с нами, – без приветствий бросил всадник, ехавший впереди.

Одновременно с его словами по небу разнеслись громовые перебаты.

– Эффектно, – признал я. – Вам с такими фокусами идти в проповедники.

Небо над городом мрачнело. С гор на востоке, где крохотными точками был обозначен Багульдин, дхнуло влажным ветром. Осень, еще на месяц прикованная к снежным пикам, напомнила о скором приходе и обещала холода.

– Садитесь. – Всадник указал на свободную лошадь.

– Бесплатные прогулки по городу с рассказами о достопримечательностях? Нет, спасибо, не интересуюсь.

– Садитесь, – вкрадчиво, чуть склонившись, повторил наемник.

– Вас приглашает Птеард из рода Креолина, – с улыбкой, почти вежливо промолвил второй всадник.

Я бегло осмотрел его оружие. Короткий меч. Скрученный ремнями кистень в седельном креплении.

– Приглашает?

– Для разговора. В ваших интересах.

– А я сегодня пользуюсь популярностью. И кто он, ваш Птеард?

– Саир обязательно расскажет вам при встрече. Прошу, скоро начнется дождь.

Второй наемник, Диндар, мне понравился куда больше первого. Даже его короткая рыжая борода, украшенная бисером и синими перьями, показалась вполне приятной. Я ведь не знал, что пройдет несколько часов и он со своим кистенем будет носиться за мной по всем горизонтам навесных улиц, обещая выпотрошить до самых пят, скормить эорлитам, а из черепа сделать плеватальницу в таверне дворков...

Ощупывая разбитое после падения плечо, я вжимался в стену какого-то сарая. Все-таки прыгать из окна было не лучшей затеей. Я не Теор. Ушиб снизил мою подвижность. Но и наемники, кажется, стали выдыхаться. Среди людей Птеарда было несколько громадин – им бы поля плугом вспахивать, причем без тягловой силы. Поначалу они резво бежали за мной. Сносились на пути все преграды, которые я оббегал или перепрыгивал. Будто кто-то пустил под откос парочку тупоголовых валунов. Только щепки летели. И перья. Да, перьев я сегодня навидался прилично. Мог бы собрать себе на платье, ничуть не хуже, чем у Птеарда. Стоя у сарая, протирая глаза от беспрестанного дождя, я веселил себя, представляя, что бы сказал Громбакх, увидев такое чудо, как этот Птеард из рода Креолина.

Скверное укрытие. Просматривалось почти со всех сторон. Но деваться было некуда, оставалось ждать. Здесь тупик. Отсюда ход один – вниз. А там – проезжая навесная улица. Пустая. В непогоду все нормальные люди давно спрятались дома или в таверне. Просто так не спрыгнешь. Расшибешься. И лететь-то недалеко, пару сажений, но мне бы хватило. Набегался. «Сразу не поднимусь, а там наемники спустят мавганов».

Я опять слышал их лай. А мне было достаточно и одного. Сам мавган нашу встречу едва ли будет вспоминать с улыбкой. Я ему такую зазубрину вытесал на хребте, что оставил от жизни минуты три, не больше.

«Хватит, чтобы поскулить о своей никчемной собачьей жизни. Нашел, кому прислуживать. Куриному князьку Птеарду...»

Развеселившись, я поежился. Сказывался ветер. Холодно. А вот свою работу псина все-таки выполнила. Правда, укусила слабо, едва оцарапала. А меч забрала. Оставила у себя в хребте на память.

Выглянул за угол. Отдернулся назад. Сердце колотилось. Меня могли заметить. Диндар. Теперь борода у него была растрепанной. Я успел поободрать с нее все бисерины и перья. Шел сюда. И скалился не хуже мавгана, вынюхивающего след.

«Придется прыгать».

Посмотрел вниз. Подвода! Крытая, широкая.

«Не промахнусь. Главное, чтоб в ней было сено, а не камни. Если сено, шлепнусь, как в подушку на вааличьем пуху. Если камни... будет что рассказать, когда доберусь до охотника. Повеселю его, перед тем как испустить дух».

Лег на дощатый пол. Выглянул за угол.

«Еще есть время. Диндар знает, что я где-то здесь, но не уверен, за каким из сараев».

Теперь он не улыбался, как тогда. Не извинялся за дождь...

– Жаль, что не успели. У нас непогода быстро случается. – Борода, еще не растрепанная, не ободранная, чуть подрагивала с порывами ветра. В ней задорно дрожали перья.

– Все в порядке, не переживайте, – вежливо крикнул я в ответ, а сам старался запомнить дорогу, по которой мы ехали.

Надеялся, что Птеард, пригласивший меня для беседы, догадается распалить камин и приготовить что-нибудь горячее.

Небо вскипало над лесом Предместья, выкручивалось серыми воронками. Ветер поднимал с земли листья и городской сор. Если поначалу дождь неуверенно брызгал мелкими каплями, то теперь зашелся шумным ливнем. Запахло травами и влажной землей.

Все дороги Предместья, кроме Кумаранского тракта, опустели. В дождь из земли поднимались чешуйчатые черви – неприятные гады, способные проскрести даже трехслойную подошву. Скот с необработанными копытами часто из-за них страдал. Зная это, я, подобно двум моим сопровождающим, старался объезжать большие лужи. Впрочем, вскоре мы свернули к одному из взвозов, о чешуйчатых червях можно было забыть.

Один пролет за другим мы поднимались все выше. Миновали шесть горизонтов и наконец поднялись под самые макушки эйнских деревьев. Так высоко мне еще не доводилось бывать в Предместье. Отсюда за мутной пеленой дождя, должно быть, открывался хороший вид на Предрождённую рощу.

Оставили лошадей в стойле у взвоза и дальше шли пешком. Пройдя несколько улочек и одну площадь с помостом для артистов, оказались на птичьем рынке. Все лавки здесь были уставлены клетками, ящиками, свертками, из которых торчали клювы разных форм – острые, раскосые, волнистые, загнутые длинной дугой. Шелест дождя, птичьи крики и пересвисты, смех и разговоры людей перемешивались в единый торговый гомон. Под ногами в лужах плавали перья и крошки от корма.

Несмотря на ливень, покупателей было много. Их отчасти спасал тканый навес, то надувавшийся глубоким парусом, то опадавший на головы людей.

От торговых рядов Диндар провел меня к одноэтажному, вытянутому вширь зданию. С торцов он упирался в стволы двух исполинских деревьев.

Зашли внутрь.

Это был склад. Лабиринт из этажерок с птичьими клетками. С потолка свисали неказистые литые люстры на десяток свечей каждая, кое-где стояли тумбы наподобие рукомольников, в остальном обстановка была самая простая: просмоленные, ничем не укрытые полы, стены и потолки. Два не самых привлекательных гобелена с изображением птичьей ловли и несколько запыленных чучел, расставленных по углам.

Возле дальней стены за столом сидел старик. Он мог показаться заурядным писарем, назначенным сюда вести учет проданных и вновь поступивших птиц, если б не богатые лицевые сигвы. Приглядевшись, я понял, что весь его жилет, а возможно, и брюки расшиты разноцветными перьями. Каждое перышко зажиточно украшала оборка из мелких бисерин. К вороту на

кружевную тесьму были приделаны золотистые маховые перья красногрудого горлопана. Одно такое перо стоило не меньше десяти золотых.

Это был Птеард.

Он, безусловно, слышал, как мы вошли, но не отвлекался от бумаг. Перекладывал их, что-то в них записывал, подчеркивал. Изредка побрякивал счетными палочками. Пришлось ждать. Диндар покорно стоял рядом. Ни словом, ни жестом не уточнил, для чего мы тут собрались. Положение становилось глупым. Подумав, что на старика обрушилась не требующая отлагательств волокита, я отошел к этажеркам. Хотел рассмотреть хранившихся там птиц.

– Дин, – Птеард вдруг подал голос, – подожди снаружи.

Диндар кивнул. Прошел к дверям. Открыл их, на мгновение усилив шум дождя, и торопливо прикрыл. Тишина вернулась и вновь была беспечной, безразличной, будто я пришел сюда докучным просителем, а не желанным гостем.

Все это начинало раздражать.

Не разрешая себе злиться, я как можно более дружелюбно спросил:

– Могу я...

– Так вы дружите с этим проходимцем? – тут же перебил меня Птеард.

Тонкий, будто стальная струна, голос. И неприятное клокотание в горле. Захотелось самому прокашляться.

– Что?

Я действительно не понимал, о чем идет речь.

Старик отложил перо в латунной оправе. Поднял голову. Морщинистое склочное лицо с маленькими подвижными глазками. Угловатые лицевые сигвы. Кистевые сигвы с изображением птицы, воздевшей крылья.

– Теор Наирус ас Леонгард. – Птеард с отвращением выплевывал каждое слово. – Глупое имя для ничтожного человека. Вам оно знакомо, не так ли?

Теор... Можно было догадаться. «А паренек-то у нас мутный».

– Молчите? Проглотили всю свою смелость?

– Не понимаю, к чему эти вопросы.

Уже второй раз за день кто-то пытался играть со мной в игры, вместо того чтобы говорить прямо. Это раздражало. Правда, первый раз был приятным. Я бы предпочел вновь вломиться к Эрзе. Представил ее здесь, в этом курином костюме, и не сдержал улыбку. Птеард мою улыбку явно заметил и, конечно, понял неправильно.

Ударив по столу кулаками, вскочил. Казалось, сейчас будет кричать. Его крохотные глазки стали еще меньше, сузились в два острых уголька. Вместо крика через силу улыбнулся, скорее даже оскалился. Вышел из-за стола, показав, что я был прав, – на брюках перьев висело не меньше, и все они покачивались в такт движениям.

– Красивый костюм, – зачем-то промолвил я и до боли сжал челюсти, чтобы не обронить какую-нибудь из рвущихся наружу шуток.

Старик, судя по всему, не отличался смешливостью. Заложив руки за спину, молча смотрел на меня. Приподняв брови, наконец промолвил:

– Ну что ж. – Он неспешно приблизился к этажеркам. – Видите этих птиц? – кивком указал на одну из клеток. – Это синие пугачки. От страха выбрасывают едкий синий дымок. Насекомых убивает, а человеку становится дурно.

– Интересно, – продавил я сквозь зевоту и тут же вновь отругал себя за несдержанность. Но зевок был настоящим. Эрза сказала правду – лег я поздно.

Старик, скривив губы, зашел за этажерку, будто хотел спрятаться от меня.

– Вот каморки, – продолжал он еще громче, отчего клокотание в горле усилилось. – Бестолковые, крикливые. Но только они могут отыскать земляные трюисы. Любимое блюдо нашего наместника. На мой вкус, горьковато и солоновато. Но я, конечно, не кравчий. И не

наместник. Вот виалуты остроклювые. Их часто покупают в Багульдин, вывешивают в трапезных. В резиденции тамошнего наместника висит не меньше десяти клеток с виалутами. Хорошие птицы. Заполняют тишину. Поют, когда вокруг тихо. И спят, если слышат человеческую речь. Вот удивительные создания, ручные хвойники. Помогают охотникам ловить востриц. Те, знаете ли, слишком быстрые, ловкие и летят неровно. Трудно попасть. А силки обходят стороной, даже если натереть травой. Чуют запах человека.

– Вы пригласили меня, чтобы рассказать о птицах?

– За ними тяжело ухаживать, за хвойниками. – Птеард не обратил внимания на мои слова. Даже не замедлил шаг. Все так же шел вдоль этажерки и говорил: – Еще сложнее поймать и приручить.

– Все это замечательно, но, боюсь, сегодня я не планировал покупать ничего пернатого. Если только на ужин. У вас тут водятся куры?

– А вот луантин, или соловей шелкоголосый. Чудное создание. Поет от голода. Если кормить, он будет молчать. Ни одной ноты не протянет. Но начните морить его голодом и услышите чудесные серенады. Такие грустные, нежные. Девушки любят этих птиц. Часто плачут над ними. Тут, главное, не переусердствовать. Свою лучшую песню луантин поет перед тем, как умереть от истощения.

Происходящее становилось слишком странным. Мне даже расхотелось шутить.

– Вот сизые портняжки. У них вся прелесть в перьях. Их можно ошипывать раз в месяц. Они быстро восстанавливаются. Тут много птиц. У каждой своя особенность.

Старик вышел ко мне из-за этажерки.

– Вы слышали о Вайрике Птицелове? – В напряжении голос Птеарда забулькал еще сильнее.

Я не ответил.

– Нет, конечно. А это был хороший птицелов. Да что там, лучший в этих краях. Понимаете? Вы когда-нибудь ели запеченных сарданок? Сомневаюсь. Дорогое удовольствие. Мы их только в Матриандир поставляем. В других городах Восточных Земель не могут позволить себе такое блюдо. Иногда из Лошин Эридиуса поступают заказы. – Старик теперь шел напрямик на меня. Цедил каждое слово. – Тут весь фокус в том, чтобы вовремя найти и снять сарданку с дерева. Гнезда у них в потайных местечках. В предгорьях. Самец буквально замуровывает самку в гнездо из веток и глины. Оставляет только горлышко. А потом через это горлышко кормит. Вот так. Прилетает и кормит. А самка высиживает яйца и жиреет. Так жиреет, что уже не может пошевелиться в своем гнезде. Самец усердствует, отдает ей весь поклев, а сам сохнет. Под конец летает худенький, слабый. На них охота запрещена. С них ни мяса, ни перьев, а самка с голоду помрет, потому как из гнезда она вылезет, только если разжиреет настолько, что гнездо лопнет. Считайте, как из яйца вылупляется. К этому времени поспевают птенцы. Все гармонично. И самку эту нужно вовремя снять. С гнездом. Не раньше, не позже. А потом запечь целиком. В гнезде. И так подавать к столу. Разделять уже в блюде. Понимаете? Тут нужно знать и место, и время. Снимешь раньше, жиру мало, не так вкусно. Поздно снять не получится – самка уже вылупится и убежит.

– Послушайте...

Казалось, Птеард будет до ночи рассказывать про птиц, а это в мои планы не входило.

– Нет, это ты послушай!

Старик подошел так близко, что смог ткнуть меня длинным пальцем в плечо. От неожиданности я отшатнулся.

– И Вайрик каждый год приносил по два десятка сарданок. В лучшем виде. Слышишь? И это все... Все! – Птеард махнул на этажерки. – Все должно было перейти к нему. Понимаешь?! – Старик теперь кричал. Перья на костюме вздергивались вразнобой, иссушенный годами подбородок дрожал мелкой дрожью, отчего клокотание в голосе стало невыносимым. –

Вайрик был моим сыном! А сорок восемь дней назад появился ваш Теор! – Старик вновь ткнул меня пальцем. – Наговорил ему каких-то небылиц! Увел за собой! И я даже не знаю куда! Только и отследили, что до Старой дороги! Понимаешь, я тебя спрашиваю?! Не знаю, что он там, эта тварь, сделал с Вайриком, но сына своего я больше не видел. – Старик заговорил чуть тише, ковырял меня угольками прищуренных глаз. Между фразами дышал тяжело, с хрипом. – А потом этот проходимец как ни в чем не бывало вернулся в Целиндел! И представьте, разбогател. Принес золотые кубки! У кого он только их украл? Плевать, не мое дело. Бегал тут бедняком, давал представления по тавернам, разве что с кострыками не водился, а сейчас лошадей покупает, беднякам бросает монеты, дом себе присматривает в Эйнардлине. Как тебе такое? Хорошо одет, улыбчивый, щедрый. Притащил с собой какую-то свору, говорят, связался с дочерью наместника Багульдина! А?! Весь из себя, будто из луаварского, если не из приобщенного рода. А все золотые кубки. Кубки из мерионитового скобленного золота, которые он привез вместо моего сына! Уж конечно, не на Старой дороге он так обогатился. Даже если подался в крысятники. Там уж давно никто в своем уме не возит ни золота, ни товаров. А если и возит, то под таким конвоем, что и всем вам с вашими топорами не снилось. Не знаю, какие у вас с ним дела. – Старик перешел на ядовитый сдавленный шепот. – Я даже не спрашиваю. Вы хоть тут всю округу разграбьте, называя себя ханголом, вольным путешественником. Плевать. Но Теора вы мне отдадите. По добру. Или вас заставят.

Я сделал еще один шаг назад. Если поначалу старик раздражал, то теперь мне было его жалко. Однако, несмотря на жалость, я решил, что выслушал достаточно:

– Спасибо за приглашение. И за птичек. Я не знаю, что тут...

– Мне! Нужен! Теор! – Птеард закричал во всю силу своего рваного мерзкого голоса: до предела расширив налившиеся кровью глаза, побагровев до коричневых пятен на лбу и брызнув слюной, все это время kloкотавшей в горле.

По клеткам затрепыхались птицы.

Дверь за моей спиной распахнулась. Шум дождя.

Кто-то вошел.

– Где он?! – Старик стал ко мне вплотную.

– Будем считать, что разговор окончен.

Я толкнул старика. Как можно мягче, стараясь его не опрокинуть. Боялся, что он в последний момент вцепится мне в одежду и уже не отпустит.

Птеард отшатнулся. Задохнулся злобой. Весь задрожал. Сжал кулаки и опять завопил на пределе стальной струны:

– Взять! Взять тварь! Выбить все! Найти!

Дробные шаги. Это Диндар. С обнаженным мечом. Я рванул вбок, за этажерки.

– Хватай! Хватай! – надрывался старик, потрясая кулаками.

Диндар не отставал. Бежал быстрее меня. До дверей не успеть. Я стал наугад сбивать клетки с птицами. Валить их за собой. Дикий гвалт отчасти покрыл даже голос Птеарда. Мельком оглянувшись, я увидел, что за мной с пола поднялось облако синего дыма. Пугачки. Вовремя. Диндар закашлялся, прикрыв руками лицо, ломился вперед, задевал мечом деревянные стойки. Его промедления было достаточно, чтобы выскочить со склада. Голова пульсировала от напряжения.

Наемники. Надрывно, с пеной ревушие мавганы. Цепи упали. Когти заскрежетали по влажным доскам. Я ускорился, насколько это вообще было возможно.

Заграждение из торговых рядов. Они меня спасли. Растолкав покупателей, бросился на первый прилавок. Разнес тюки и коробки. Неудачно свалился на спину и проскользил еще добрую сажень по влажному полу. Сам не заметил, как вскочил. Рычание чуть отдалилось. Хорошо. Главное, не останавливаться.

Два наемника впереди. Они еще не понимали, что происходит, но на всякий случай обнажили клинки. Арбалетный болт ударил в прилавок рядом со мной. Стреляли низко. Хотели добыть меня живым. Хоть какая-то радость.

– Стой! – Наемники неуверенно шагнули вперед.

– Держи! – донеслось сзади.

Торговые ряды заканчивались. Люди, обеспокоенные шумом, заранее расступились. Я переметнулся через последний прилавок, на ходу выхватил меч из ножен. Приземлившись на дощатый настил, взмахнул клинком по короткой дуге возле головы наемника. Хотел отпугнуть его. Но острое задело лицо. Я даже не почувствовал сопротивления в руке. Черная щетина разошлась. В разорванной щеке мелькнул плотный ряд желтых зубов. Почти не было крови. Вскрик. И растерянный взгляд второго наемника. Совсем еще молодой. Принял боевую стойку. Готовился отражать нападение. Но я уже пронесся мимо. Не стал оборачиваться. Понимал, что теперь, если меня поймают, точно не обойдутся простым разговором. Церемонии закончились. В подтверждение этому очередной арбалетный болт пробил стену ближайшего дома на высоте груди. Хриплый рык мавганов приближался.

Так и начался мой забег по навесным улицам северных горизонтов Предместья. Дальше была разодранная штанина, пробитый мечом хребет мавгана, оцарапавший ухо арбалетный болт, прыгнувший на меня Диндар, которому я успел двинуть локтем в шею, а на прощание дернуть за бороду – так, что выдрал целый клочок, а с ним сорвал все бисерины и перья. Было несколько двухэтажных домов, в которые я врвался, расталкивая прислугу, увертываясь от ударов метлой и кочергой, падение с витых лестниц, которые уводили меня на нижние горизонты. Были опрокинутые баки с водой, пробитые узлы канализации и скользкие по жидким нечистотам наемники. Были попытки спрятаться в пустом колеснике, в мусорных повозках, в свинарнике, в таверне, наконец, за стенкой сарая, где я сейчас лежал, готовясь прыгнуть на последний горизонт. Если в крытой подводе все-таки сено, а не камни, у меня появится шанс добежать до стойла и выкрасть коня – я уже приметил неподалеку один из взвозов. Оставалось прыгнуть.

– Взять! – рявкнуло почти над ухом.

Сквозь шум дождя рыкнули мавганы. Совсем близко. Уже знали, что я здесь. Скрежет когтей. Диндар спустил их с цепи. Не было времени раздумывать и причитать из-за того, что подвода ехала так медленно. Из последних сил, толком не восстановив дыхание, я вскочил, в три коротких шага рванул к перилам. Поджав колени, взлетел на них и толкнулся ногами.

Перед глазами все смешалось. Паутина навесных улиц окончательно сплелась в тугой клубок с трещинами сереющего неба. Дождь бил одновременно со всех сторон: и снизу, и сверху, и сбоку. Ветер холодными плетями выхлестывал по спине. Прыжок получился сильным, но я не мог управиться с телом. Слепо, неуклюже барахтал руками, то поджимал, то распрямлял ноги, не зная, как лучше сгруппироваться. Решил, что надежнее будет сжаться и упасть в подводу одним подобранным ядром, когда ветер, озверев и потемнев, хлестнул так сильно и размашисто, что хрустнули позвонки. Голова неприятно дернулась. Рука подмялась под бок. Падение прекратилось. Теперь я действительно чувствовал себя настоящим ядром, уложенным в готовую к выстрелу чашу камнемета. Сейчас прозвучит штурмовая команда, скрипнут шестеренки, и тугие ремни швырнут меня вверх, на стены вражеской крепости. Ни команды, ни скрипа не было. Только шум дождя, ржание лошадей и причитания возницы. Сено. Я попал-таки в подводу, и в ней действительно было сено. Никаких камней. Хорошо.

Я расслабил дрожащее тело. Подвода остановилась. Плевать. Нужно было отдохнуть. Откуда-то сзади донеслись голоса. «Приближаются». Наемники. «Будь они прокляты. Сколько же их тут...» Пришлось вскочить, забыв о ссадинах и онемевшей руке.

Второй прыжок, из подводы, оказался не таким удачным. Я зацепился ногой за борт. Грохнулся на локти. Еще несколько таких падений, и Птеард будет допрашивать отбивную. Только черичного соуса добавить.

Поднялся и тут же отдернулся – рядом пролетел арбалетный болт. Наемники – на смежной линии. Перемычки между улицами в этом месте не было. Значит, еще оставался шанс добраться до взвоза.

Обогнув подводу и рассвирепевшего возничего, я бросился к площади.

Грудь рвалась в одышке. Сердце пульсировало в висках. Одежда тяжелыми влажными складками обтягивала тело.

Пастух гнал через площадь отару мокрых овец. Возле мясной лавки под листовыми зонтиками стояли женщины. Под навесом сидели старики, дымили эвкалиптом.

Пересек площадь. Еще одна улица. Перепрыгнул через изгородь. Зацепился за прясло и упал. Вокруг закудахтали куры. Поднялся. Пробежал мимо хлева со свиньями. Не видел преследователей, но не останавливался. Они наверняка были рядом.

Мне бы только добраться до взвоза... Остановился. Так резко, что, не удержавшись, упал на колени. Скрипнули доски. Одышка заглушала прочие звуки. Сливалась с шипением дождя. У взвоза – наемники. Они догадались. Ждали там. Давно ждали. Может, я еще прыгал в подводу, а они уже тут стояли. Дурак...

– Сюда!

Я не сразу понял, откуда донесся этот голос. Кто-то меня заметил.

– Эй, хангол! Сюда!

Оглушенный, одуревший от погони, я никак не мог понять, что происходит. Схватился за пустующие ножны. Забыл, что меча в них нет.

– Внизу!

Не поднимаясь с колен, приблизился к ограждению. Просунул голову между веревочных креплений. Посмотрел вниз, на земляной проселок. Всадник на извивающемся коне. Теор!

Неизменный черный костюм. Черные волосы, мокрые от дождя и теперь напоминавшие бархатный капюшон. Это был Теор. «Ну хоть что-то».

– Скорее! Сюда!

От нижнего горизонта до земли было не меньше пяти саженей. Тут я бы даже в подводу не решился прыгать. Клочком сена не обойтись.

Последний рывок. Еще чуть-чуть.

Упираясь в изгородь, поднялся. Прихрамывая побежал. С каждым шагом боль в ногах тупела, растворялась, и я начинал бежать быстрее. Вернулся к хлеву. Заплутал среди крытых загонов. Свиньи, обеспокоенные моим появлением, повизгивали, жались к грязным яслям.

Веревка! Схватил ее. Торопливо привязал к перилам.

– Сюда!

Теперь уже кричал не Теор. Наемник. Увидел меня. Бежал с обнаженным мечом. За ним мелькнул Диндар. «Сколько можно... И где стража? Мы тут полдня носимся по всему Предместью, почему нас никто не остановит?»

Привязал. Не было времени проверять крепление. Сбросив свободный конец веревки, перелез через перила. Влажные руки заскользили. Дух вывернуло из меня белыми лоскутами. Едва успел затормозить. Ладони обожгло. Засучил руками. Скорее вниз. Веревка выплясывала подо мной бесноватой змеей. Это мешало спускаться.

Подбежал наемник. Поднял меч. Сейчас рубанет по узлу!

Не дожидаясь удара, я прыгнул. Пролетел две сажени. Чуть отклонился на спину. Наемник застыл на отдалившемся горизонте.

С глухим дрызгом упал в лужу. Разлетелись брызги. Веревка хлестнула по лицу и замерла. Живой. Все болит. Но, кажется, ничего не сломано.

Все... Дальше падать некуда. Я был на земле.

Дышал. Пытался понять, повредил ли руку.

Тело ломило, но я был цел. «Нужно уходить. Если подоспеют арбалетчики...» Обожгло шею. Я вздернулся. Расплескав лужу, вскочил. Черви! Завыв от боли, выпрыгнул из лужи. Выплясывал. С водой черви попали за пазуху, успели расцарапать грудь. Расстегнул жилет, отбросил. Вытряхивал рубашку. Видел, как от меня отлетают серебристые палочки чешуйчатых червей. Какая мерзость! Не мог остановиться. Торопливо выщупывал рваные брюки.

– Быстрее! – Теор, о котором я, кажется, успел позабыть, протянул руку.

Конь под ним продолжал выплясывать.

Последнее усилие, и я на крупе. Неудобно, но времени привередничать не осталось. Теор тронул лошадь. Она через несколько шагов перешла в галоп.

Так и казалось, что черви скребут мне кожу. Я держался за луку седла и пробовал себя ощупать. Усмехнувшись, подумал, что нас с Теором ждет долгий разговор. Ему предстояло многое объяснить.

Глава 3

Потняцкая

Интересна и почти не изучена история покорения Западного Вальнора переселенцами из Земель Ворватойла, в наших краях больше известных как Объединенные племена Снежного Треоглуна, или просто Снежный Треоглун. Архивные своды самих вальнорцев отрицают существование развитых княжеств и свободных городов на их территории в период, предшествовавший появлению Эниона Прародителя, и признают лишь неоспоримость еще более древнего присутствия там двух народов, которых они называют Предшественниками (Хранителями) и Чистильщиками (каахнерами). Такого же взгляда придерживается во многом достойный и все же никогда лично не бывавший в Западном Вальноре и, конечно, не получавший доступ даже к престольным каноничным архивам Гаон Свент из Ликинора, о недостатках работ которого нет смысла упоминать после подробного их изложения в трудах Дафнара-младшего из рода Ниноэла, замечательного автора многотомного «Собрания путевых заметок».

Что бы ни утверждали досужие исследователи, во многом лишь повторяющие постулаты придворных историков Вер-Гориндора, содержание немногих из восстановленных глав «Саальт-Ак'динской летописи», созданной еще в годы Третьей Месатоланской войны неизвестным летописцем, позволяет допустить, что к приходу треоглунских переселенцев в Западном Вальноре правили по меньшей мере три вольных княжества. Стараниями Эниона и его наследников эти княжества лишились не только свободы, но и своей истории, своей культуры, которая сейчас представляла бы исключительный интерес, так как могла включать предания об уже упомянутых Предшественниках. Не меньший интерес представляет и то, почему Энион, а затем Лиадор, а затем и сам Эрхегорд Великий с такой непоколебимостью взялись за истребление людей, в венах которых, быть может, отчасти текла кровь каахнеров, и почему они запретили своим летописцам даже упоминать сам факт их существования, ведь в иных краях кровопролитное и победоносное покорение уже заселенных земель нередко становится любимейшим для придворных историков и главным в воспитании

новых поколений. Не каждый народ решится умолчать о воинских победах – на то должна быть веская причина.

«Краткая история своаналирских народов и государств».

Саалдин из Гулемы

– Слушай, надо заехать к сигвару. – Громбакх ослабился. Значит, готовился шутить. Пальцами перебирал клыки на амулете.

– Зачем? – Я сделал вид, что не жду подвоха.

– Сделаем тебе кистевую сигву. Надо ж начинать. Ты тут достаточно повидал. Переругался, с кем только мог. Сперва Орин из рода Торгорда. Теперь Птеард из рода Креолина. Хороший набор.

– И?

– Что?

– Какую сигву?

– Ну, тут очевидно... Яремный бык мчится на пеструю юбку! – Охотник хохотнул.

– Почему?

– А ты напряги мышцы головы. Чего непонятного? Одна девчонка потрясла юбкой, ты забил копытом и понесся спасать Багульдин. Бегал по туману в моих портках, кричал чего-то, размахивал мечом. Теперь, значит, другая девчонка потрясла юбкой, так ты весь напыжился, грудь выше носа, ходишь тут, давайте, говоришь, доверимся ей, то есть юбке, она не обманет.

– Миалинта доверяет Эрзе. – Я посмотрел на Мию.

Она делала вид, что не слышит Грома.

– Эрза... Ну да, от двух юбок совсем крышу снесло. Только ты определись, какая из них тебе больше по вкусу.

– Гром...

– А то развезет. Яремных быков, знаешь, ведут на убой.

– Гром.

– Ладно, ладно, забыли. Сам разбирайся. А затея дурацкая.

– Никакой затеи. Просто обсуждаем. – Миалинта подняла на меня взгляд.

Даже в полумраке потняцкой я хорошо видел ее темно-желтые радужки. Различать настроение Миалинты по цвету глаз я еще не научился, но и без того чувствовал, что она недовольна нашим разговором.

– Тут и обсуждать нечего. – Зевнув, Громбакх еще глубже расстегнул рубаху.

Клыки амулета путались в черной поросли на его груди. Даже там виднелись шрамы – такие же широкие, как спрятанные под щетиной на скулах.

В потняцкой было жарко. Пот щекотными струйками стекал из подмышек. Я уже снял жилет, а теперь подумывал содрать с себя и пропотевшую льняную рубашку. Немногочисленные посетители за другими столами давно разделись по пояс. Половой и служка ходили в неподвязанных хлопковых халатах, явно перешитых из старых дхант. И только за нашим столом все пока что сидели в одежде.

Вспотела даже Миалинта в легком сарафане. Один Тенуин, хоть и оставался в рубахе и брюках из плотного домотканого полотна – бурнус он снял, что делал не так уж часто, – был почти сухим, лишь несколько капель выступили под линией забранных волос.

Гориндел. Крохотный городишко на окраине Муэрдорского леса, чуть южнее Целинде. После стычки с Птеардом пришлось на время переселиться сюда. Эрза заверила нас, что здесь безопасно. На подходах к городу стояли ее люди, они должны были предупредить нас об опасности. А спрятаться в Горинделе не составляло труда: тут сохранилось множество соляных шахт – пустых, отданных под власть контрабандистов и всех, кто не хотел встречаться с комендантскими ищейками.

Гром не верил Эрзе. Миа верила. Этого было достаточно. Тен отмалчивался, а Теор... Теор ходил с разбитым носом. Охотнику не понравились ни мои рваные брюки, ни оцарапанное арбалетным болтом ухо, ни веселые рассказы о растрепанной бороде Диндара. Громбакх резонно заключил, что взбучка Теору не помешает. Ему следовало предупредить нас о возможной опасности.

Несмотря на разбитый нос, Теор оставил договор в силе. Поиски мальчика никто не отменил. Вот только мы уже два дня торчали в Горинделе, и это никому не нравилось.

– Да хоть целый отряд под стягами Гирвиндиона с черно-бурыми медведями вместо собак! – Громбакх грохнул кулаком по столу. В потняцкой все столы были каменными, и охотник лупил по нему с особым упоением. – Я в Лаэрнорский лес не сунусь.

– В лес никто не зовет! – Я настойчиво вел пальцем по карте, показывая, что Старая дорога ни на одно зерно не пересекает лесные границы.

– Я не то что на зерно, я на две стрелы туда не подъеду – ни по твоей карте, ни по любой другой.

Громбакх голой рукой взял кусок мяса. Обнюхал его, едва не касаясь креплением лайтанных колец, ухмыльнулся и бросил на середину стола. Мясо зашипело, разбрасывая по столам брызги горячего жира.

В потняцкой Гориндела все столы были такими. Старая, почти забытая традиция северных городов, перенесенная сюда одним из наместников Целиндела еще до Темной эпохи. Стол собирали из нескольких частей: большой каменный круг на каменных подпорках, который и был столом в обычном понимании, сердцевина вырезана, а в нее вставлен другой камень с закрепленной снизу жаровней. Между внешним и внутренним камнем шел каменный желоб, разбитый на четыре емкости. В каждой емкости – вода: от простой, лишь едва подсоленной, до острой, заправленной стручками южного перца. Жаровня раскаляла камень посередине и заставляла воду в желобе кипеть. Сам стол тоже разогревался, но не обжигал. Всю еду в потняцкой подавали сырую. Овощи, корни, овсяные мятки, мясо и рыбу. Посетители бросали их в нужную емкость, чтобы сварить, или на сердцевину, чтобы поджарить. Потом вытаскивали еду деревянными щипцами и клали перед собой на камень. Жир, вода и соки стекали в каменные отстойники под столом, для этого по камню были вырезаны тонкие сливные бороздки. Есть приходилось руками или придавив еду рияжными лепешками из непросеянной муки. Лепешки и прочие продукты лежали в расставленных по столу ивовых корзинках. Деревянная лавка вокруг стола шла общая; под нее в небольшие углубления служка ставил заказанные кувшины с напитками.

Вчера мы решили временно отказаться от поездок в Целиндел и Предместье. Эрза с Миалинтой должны были разузнать обстановку на заставе Кумаранского тракта, выяснить, какие шаги предпринял Птеард. Но утром, едва поднялось солнце, первым исчез Теор. Когда Громбакх перехватил его на выходе с постоянного двора, тот сказал, что ему осталось провести последнего следопыта, что доверять эту встречу ни Эрзе, ни Миалинте, ни кому бы то ни было еще он не собирался. Вторым исчез Тенуин – тут уж никто не успел заметить его отъезда, но я был уверен, что он хочет проследить за кем-то из уехавшей тройцы.

Все, кроме Эрзы, вернулись поздно вечером. Эрза осталась в Целинделе. Громбакх, к этому времени уже дремавший на кровати, встал неожиданно бодрый и заявил, что совещаться будет именно в потняцкой. Миалинта и Теор возражали, предлагая ограничиться одной из комнат постоянного двора, но охотник был неумолим.

Изначально потняцкие обслуживали рабочих соляных шахт. Поднявшись из слоя вечной мерзлоты, они сразу отправлялись сюда – поесть и как следует прогреться. Добыча соли давно прекратилась, а потняцкие остались.

– И пойми, – охотник вгрызался в едва прожаренное мясо, – тут дело не в крысятниках. Их бояться нечего. Я в Деодрельском лесу и не такого отребья насмотрелся – их там по своре

под каждым кустом, и ничего, охотятся и лес заготавливают: поджал трухню и давай маши топором, главное на рожон не лезь.

– И все же.

– Что «все же»? Захотелось почтить могилки каахнеров?

– При чем тут они?

– «Каах» – «след», «эар» – «исчезать»⁹, – пояснил следопыт.

Столы в потняцкой были в отдалении от стен, и сесть в излюбленную позу он не мог, однако и без стены сидел с прямой спиной и чуть отклонившись назад.

– А... так бы сразу и сказали. Теперь все ясно. – Мне никак не удавалось подцепить свой кусок мяса. Он всякий раз выскальзывал назад, в желоб кипящей воды. Миалинта с едва заметной улыбкой наблюдала за моими попытками раздобыть ужин.

– Тен у нас известный знаток ворватоильского, – хмыкнул охотник. – Только я бы особо не верил в его таланты. Он мне как-то напереводил с лекарственных пузырьков, которые какой-то полуумок решил до сих пор надписывать по-ворватоильски. Так напереводил, что я потом два дня с горшка не слезал. Такие трели выдавал, что птицы обзавидовались. Хотя в чем-то он был прав. После залетных серенад голова как-то полегчала. И боль, и тошнота – все высралось с кишками и желудком...

⁹ «Словник» указывает иное происхождение этого слова, отсылая к бестелесным персонажам ворватоильских сказок – коахинам, живущим в неприкрытой хозяйской посуде и крадущих удачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.